РОВЕСНИК

№ 10/87 октябрь

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ISSN 0131-5994

МОСКВА. Как сообщил «Ровеснику» научный сотрудник Музея А. Н. Островского Л. С. Терехов, экспозиция музея пополнилась уникальным экспонатом — первым номером журнала «Намибиен юс» («Молодежь Намибии»), выпущенным молодежной лигой Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) в феврале 1974 года. На обложке фотография — церемония поднятия флага в одном из отрядов намибийских патриотов. Под снимком на английском языке так хорошо знакомые всем нам слова: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Эти слова написаны более полувека назад. Так думал Павка Корчагин, герой романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». Так думают и сегодня патриоты Намибии, которые сражаются за свободу родины, оккупированной расистами ЮАР. Они продолжают борьбу «за освобождение человечества», начатую Великой Октябрьской революцией.

ПРАГА. К 70-летию Октябрьской революции в столице Чехословакии состоится торжественное открытие после реставрации музея В. И. Ленина. Его сотрудники совместно с коллективом музея Клемента Готвальда участвовали в подготовке международной выставки, приуроченной к юбилею Октября, в выпуске сборника исторических плакатов «Великая Октябрьская социалистическая революция в чехословацком политическом плакате».

В подготовке к празднованию 70-летия участвуют рабочие коллективы, которые принимают социалистические обязательства, деятели науки и искусства, студенты, школьники, коллективы самодеятельности.

БЕРЛИН. Берлинская школьница с голубем в руках — снимок символический (справа вверху). В столице Германской Демократической Республики принят документ «О военной доктрине государств — участников Варшавского Договора», в котором говорится о недопущении войны — как ядерной, так и обычной. Здесь, в Берлине, был сделан еще один шаг к укреплению мира на земле. Берлинская школьница с голубем мира в руках символизирует миролюбивую политику социалистических государств, начало которой было положено Декретом о мире, одним из первых законов, принятых после победы Октябрьской революции.

КАБУЛ. Десятый месяц идет с того дня, когда Народно-демократическая партия Афганистана и народная власть объявили курс на национальное примирение. Силы сопротивления революции понесли ощутимый урон. Кто числился в оппозиции — вернулись к обычной жизни. Кто вел не очень активную борьбу, постепенно делают шаги к примирению или переходят на позицию нейтралитета. Возвращаются беженцы. В некоторых кишлаках, волостях, уездах появляются приметы коалиционного правления, куда входят истинные патриоты Афганистана. Идет обсуждение проекта конституции, которая гарантирует, что позиции всех сторон, вступающих на путь национального примирения, будут учитываться должным образом. Так народная власть стремится положить конец братоубийственной войне, которая идет уже восемь лет. Зато непримиримые противники народной власти, американская помощь которым превысила 1 миллиард долларов, удесятерили свою жестокость. «Помощь» надо отрабатывать. Но протянутая рука мира сильнее долларов. Национальное примирение захватывает все больше людей, один из эпизодов этого непростого процесса вы видите на снимке.

МАДРИД. «Вся проблема в том,— говорит двадцатилетний студент-историк Хосе Карлос,— что у нас нет никакой перспективы найти работу. Не только по специальности, вообще никакую». «У нас нет будущего!», «Дайте нам шанс!» — под такими лозунгами проходят в Испании демонстрации учащейся молодежи, требующей создать рабочие места для вступающих в жизнь молодых испанцев, открыть доступ в учебные заведения представителям рабочего класса, улучшить профессиональную подготовку. На снимке: демонстрация студентов Мадрида за право на труд.

МЕХИКО. Созданный в Мексике национальный комитет по празднованию 70-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции объединяет тысячи людей разных профессий. Готовясь к юбилею, комитет провел десятки манифестаций, концертов, митингов, выставок. Цель всех этих мероприятий — правдивая информация о жизни советских людей, о нашей культуре, о революционных изменениях, которые сейчас происходят в Советском Союзе.

ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ. Демонстрация, которую вы видите на снимке справа вверху, одна из многих прошедших в ФРГ манифестаций против американского военного присутствия на территории республики, против гонки вооружений, в поддержку советских предложений и доктрины о недопущении войны, принятой странами — участницами Варшавского Договора на встрече, состоявшейся в Берлине 28—29 мая нынешнего года. «Разоружение сейчас!» — такие лозунги, многократно повторяясь, плыли над многотысячными толпами. Как считают эксперты Международного института стратегических исследований, поражение правящих партий ХДС — ХСС на выборах в ландтаги Гамбурга и Рейнланд-Пфальца также свидетельствуют о том, что западные немцы поддерживают политику разоружения, предложенную Советским Союзом.

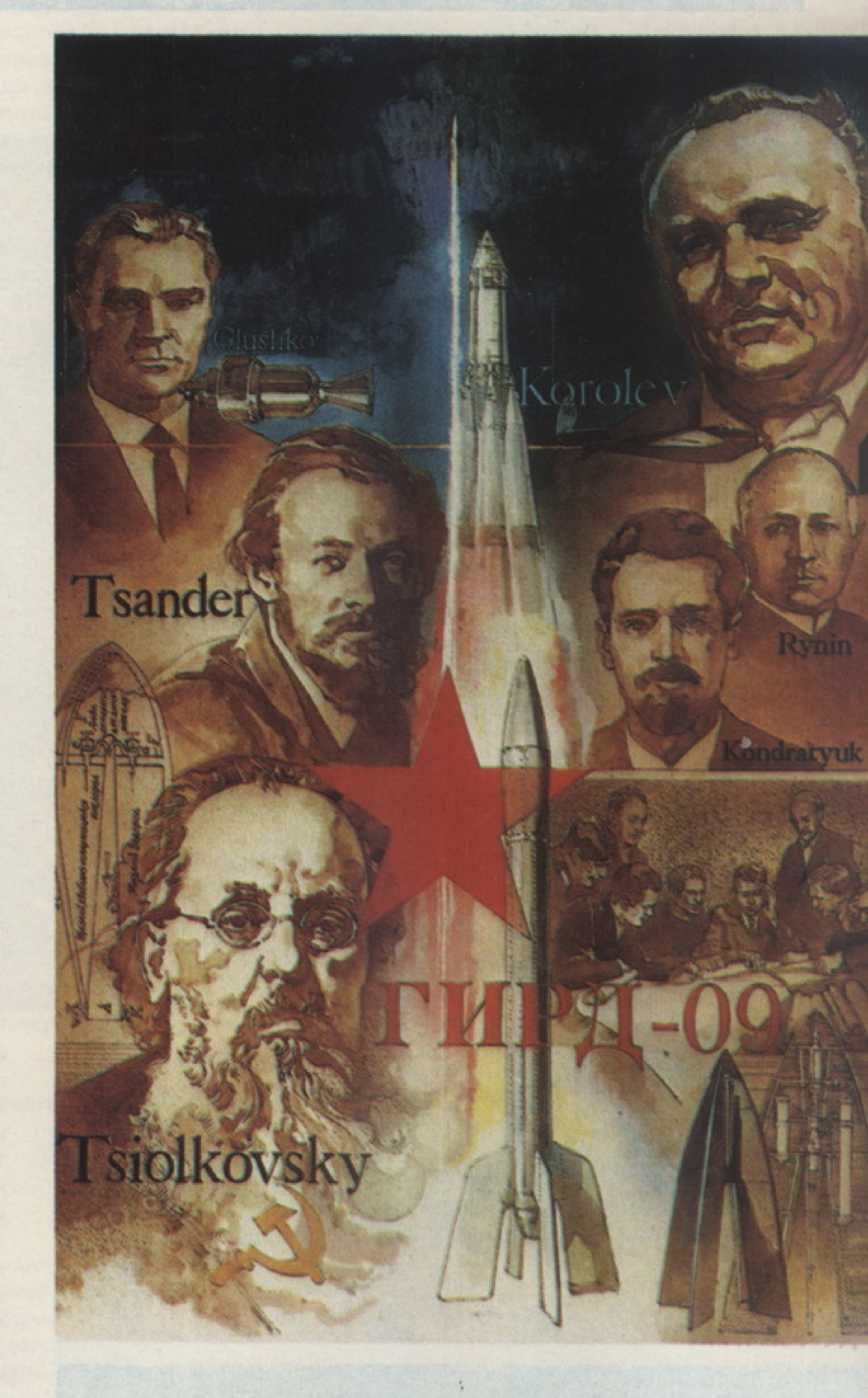
НАЧАЛО НАШЕ!

А. ПОЛИКОВСКИЙ

Сейчас, читая газеты за октябрь 1957 года, трудно проникнуться тем чувством удивления и восторга, которое есть во всех этих бесконечных сообщениях, комментариях, заметках и интервью, посвященных запуску первого искусственного спутника Земли. Умом понимаешь, а чувство спит: слишком далеко ушла космонавтика от спутника, который, кстати, имел обозначение ПС («простейший спутник»), слишком избаловала нас беспрерывными стартами, полетами, стыковками, выходами в открытый космос, работой международных экипажей. Космос вошел в быт. Мы приходим домой, щелкаем кнопкой телевизора, ставим на плиту чайник и делаем яичницу, а на экране в это время кто-то плывет в невесомости по отсеку орбитальной станции и с улыбкой советует жителям Закавказья, выходя на улицу, брать зонты, ибо к ним приближается дождь... Дошло уже до того, что космонавты на орбите живут месяцами, слушают музыку, занимаются спортом, а один — Александр Иванченков — даже частушки пел; гитару «наверх» ему привез грузовой корабль «Прогресс». Как тут теперь всем сердцем, от всей души взять да удивиться тому, чему удивлялись наши отцы и деды в октябре 1957 года, а именно, тому, что ракета забросила на высоту в 900 километров небольшой сверкающий шар? Это трудно. Сейчас, когда над нашими головами день и ночь кружат тонны металла, когда одних спутников серии «Космос» запущено больше тысячи восьмисот и когда сообщения об этом съежились до абзаца-другого, нам трудно дается восторг. И удивительно для нас сегодня лишь то, как быстро мы разучились удивляться. Ведь всего только тридцать лет прошло — ничтожно малый в историческом смысле срок. За эти годы человечество сполна осознало свою космическую мощь — и безвозвратно потеряло первую романтическую наивность, которая незримо поднимается с пожелтевших газетных листов 1957 года.

Спутник был запущен 4 октября в 22 часа 28 минут по московскому времени. За несколько дней до этого, в конце сентября, он был выставлен в зале монтажно-испытательного корпуса — МИКа — на специальной низкой подставке и огорожен толстым шнуром на деревянных стойках. Вокруг него все время толпились люди. Королев и Келдыш, прилетевшие на космодром из Москвы, сразу пришли осматривать спутник и, сидя возле него на корточках, пальцами прощупывали стыковочные соединения обеих полусфер, из которых состоял шар. Ни журналистов, ни летописцев тогда на Байконуре не было, и никто не записывал поминутный перечень слов и дел, но воспоминания, опубликованные позднее, дают нам возможность ощутить ту нервно-взволнованную атмосферу, что предшествовала запуску. Сидя на корточках, Королев заметил на отполированной поверхности спутника отпечатки пальцев, оставленные кем-то из монтажников,— и прямо в МИКе, на глазах у людей, устроил нагоняй ведущему конструктору Алексею Иванову. Пока он задавал риторические вопросы: «Что это такое?» и «Вы для чего здесь поставлены?», один из слесарей смывал отпечатки салфеткой, намоченной в спирте...

«Сердце тревожно сжалось,— вспоминал позднее ночь старта инженер Анатолий Кириллов, руководивший в

Плакат американского художника Р. Андерсена, опубликованный в журнале «Нэшнл джиогрэфик». Ему предпослана такая подпись: «Те, кто проторил путь в космос, группа блестящих теоретиков и инженеров, вдохновивших советский прорыв в межпланетное пространство: Константин Циолковский, учитель из маленького города, на рубеже столетий создавший теоретические основы межпланетных полетов; Фридрих Цандер, его ученик, в 20-е годы, проведший исследования и эксперименты, давшие толчок дальнейшему изучению космических путешествий; Николай Рынин, человек, создавший энциклопедию космоса; Валентин Глушко, специалист по двигателям; Юрий Кондратюк, теоретик ракетостроения; Сергей Королев, могучий инженер, сплавивший гений своих коллег в советскую космическую программу».

1957 году стартовой службой космодрома,— а из траншеи донесся чей-то надрывный, дрожащий от волнения крик: «Ракета-носитель горит! Сейчас рванет!» По-видимому, человек видел пуск впервые, и его нервы не выдержали. «Заткнись! — оборвал его другой голос, резкий и злой.— Смотри и помалкивай! Так и должно быть!». В памяти людей остались крики: «Пошла, милая! Ура!», остался восторг, вдруг охвативший всех, запомнилось и то, что кто-то даже выскочил из траншеи на бруствер, хотя это было запрещено инструкцией. Кое-где упоминается и горнист, перед пуском ракеты вышедший на стартовую площадку и протрубивший что-то торжественное. Скорее всего это красивая деталь, придуманная кем-то из журналистов позднее и пошедшая кочевать из очерка в очерк. Ни на одном ракетном старте ни до, ни после никаких горнистов не бывало. Но эта выдуманная подробность интересна нам в любом случае — в ней отразилось торжественное ощущение человечества, которое чувствовало, что начинается новая эра, и хотело, чтобы начало было красивым, даже картинным...

ТАСС сообщил о запуске на следующий день. Это сообщение, мгновенно разошедшееся по всему миру, не содержало еще той определенной и безусловной информации, которую мы привыкли получать из подобных сообщений сегодня. И дело было не только в секретности информации, относящейся к ракете-носителю, но и в том, что даже ТАСС не знал точно, что происходит на высотах, где летел спутник. «Так как плотность разреженных верхних слоев достоверно неизвестна, в настоящее время нет данных для точного определения времени существования спутника и места его вхождения в плотные слои атмосферы...» Более того, сам язык был еще недостаточно готов для новой, космической терминологии: в сообщениях, опубликованных в те дни, путались падежи: «Советский Союз запустил первого в истории мира спутника Земли, сделанного руками человека... Мы поздравляем русских!»

Первое сообщение ТАСС было подхвачено всеми информационными агентствами, они передавали новость наперебой, прибавляя к ней все новые и новые сведения. Рейтер в тот же день передавало из Лондона, что «сегодня официальные наблюдатели и радиостанции видели искусственный спутник Земли, запущенный в Советском Союзе, и слышали его сигналы». Из Голландии сообщали, что «сегодня рано утром станция радиопрослушивания в Гааге три раза приняла сигналы с советского искусственного спутника Земли... Передатчик на искусственном спутнике Земли подает ясные сигналы — регулярные, быстрые, одинаковой продолжительности, как сигналы Морзе». «Радиослужба португальского почтового ведомства в Лиссабоне сообщила, что она приняла сигналы, очевидно, с советского спутника Земли...» Новость расходилась по свету, новость меняла представление людей о самих себе и о мире...

Значение происшедшего сразу стало ясно всем. Английская «Дейли экспресс» вышла с аршинным заголовком «Начался космический век». В Риверхерде, штат Луизиана, операторы «Радио корпорейшн оф Америка» записали пульсирующее попискивание спутника на магнитную ленту и пускали звук в эфир, предваряя его словами: «Слушайте сейчас звук, который навсегда разделяет старое и новое». «Советские ученые открывают новую эру в истории дерзаний и прогресса человечества,— писала 5 октября итальянская «Паэза».— Запуск искусственного спутника Земли является самым блестящим, самым необыкновенным результатом вековой борьбы за покорение природы...» И добавляла в цветисто-патетическом стиле, который, впрочем, был свойствен в начале октября не только итальянцам: «День 4 октября будет навеки записан огненными буквами в книгу истории». Старт первого в мире спутника казался событием настолько выдающимся, радостным и важным, что старейшина дипломатических корреспондентов «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон, 7 октября интервьюируя Н. С. Хрущева, спросил, не присутствовал ли Н. С. Хрущев при запуске и «Видели ли вы в отличие от

президента Эйзенхауэра когда-либо испытание ядерного оружия?». «Отвечаю на оба вопроса сразу: нет, не видел. После запуска спутника мне позвонили и сообщили, что ракета легла на заданный курс и что спутник вращается вокруг Земли. Я поздравил весь инженерно-технический коллектив с этим выдающимся достижением и спокойно лег спать...»

Но спокойного сна не было в те дни у редакторов американского журнала «Ньюсуик». Сообщение о запуске спутника пришло, когда очередной номер уже был отпечатан. Его обложка была посвящена легковым малолитражным автомобилям. Но кого в начале октября 1957 года интересовали автомобили? Тираж в 1 309 990 экземпляров был задержан, типографские рабочие срывали старую обложку, художники срочно разрабатывали новую, посвященную спутнику...

Первый, верхний слой восприятия был политическим. Всем читателям газет в мире было ясно, что Советский Союз выиграл гонку у Соединенных Штатов. Гонка эта велась с начала пятидесятых годов. Американцы назвали свой спутник «Авангард», имея в виду, что он будет первым. Они пытались запустить спутник в сентябре 1956 года, когда с базы Патрик в штате Флорида стартовала ракета, третья ступень которой пролетела 4800 километров. «По отдельным сведениям, имеющимся в печати, США готовятся в ближайшие месяцы к новым попыткам запуска искусственного спутника Земли, желая, очевидно, любой ценой добиться приоритета»,— писал С. П. Королев в докладной записке, отправленной в правительство в начале 1957 года. Политическую подоплеку запуска не отрицал и президент США Джон Кеннеди, который говорил позднее о том, что «нельзя сбрасывать со счетов воздействие событий, подобных запуску советского спутника в 1957 году, на умы всех людей, в том числе на умы еще не определившихся в своем выборе людей». Молодцеватый дух победы нашей страны особенно отчетливо выражен в карикатурах того времени: «Авангард» в виде расстроенного, грустного колобка лежит на Земле и глядит в небеса, где, в радостном приветствии подняв ладошку, пролетает наш веселый, жизнерадостный спутник.

Второй уровень восприятия был научный. «Сам по себе спутник,— говорил позднее академик Раушенбах,— с точки зрения науки и техники ничего особенного не представляет». Он имел в виду чисто техническое устройство спутника: шар, в котором установлен радиопередатчик, охлаждаемый потоком азота, который гоняет вентилятор... Но научное значение спутника было не в простоте или сложности аппаратуры. Значение было в другом.

Со школьным почтением,
Тихо дыша,
В едином ученом братании
За нами следят ученые США,
Франции и Британии,—

писала «Литгазета» 8 октября 1957 года. Стишок этот при всем своем простодушии был недалек от истины: «ученые США, Франции и Британии» действительно следили за нами, то есть за спутником, понимая, что присутствуют при начале космической эры. «Это великая победа, которая является поворотным пунктом в истории цивилизации,— сказал выдающийся французский физик Жолио-Кюри.— Человек больше не прикован к своей планете. Искусственный спутник Земли позволит узнать много вещей, которые

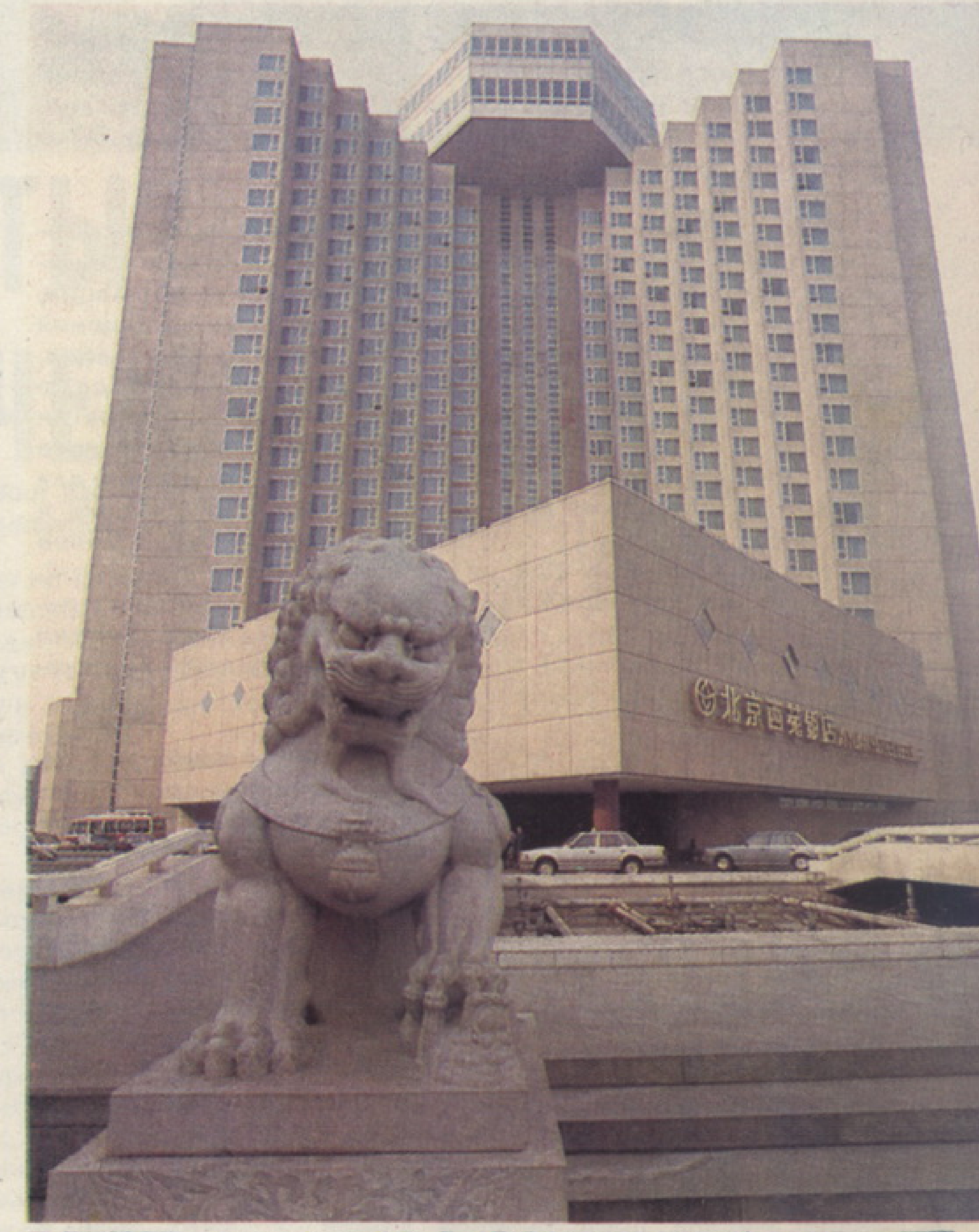
нам неизвестны, и наблюдать за космическими лучами огромной энергии, а также изучать применение их на Земле...» «Наука догнала научную фантастику»,— коротко прокомментировал событие Тодор Павлов, президент Болгарской академии наук. Голоса ученых, говоривших о спутнике в те дни, не могли оставаться академично-спокойными и дрожали от волнения: «Первый радиосигнал искусственного спутника Земли,— рассказывал чешский физик Мирослав Йискра,— я услышал в 4 часа 40 минут 30 секунд нашего времени. Сначала сигналы были слабоваты, почти на границе слышимости. Но вскоре они стали быстро усиливаться и, наконец, стали настолько громкими, как если бы их посылала сильная европейская любительская станция... Все это я рассказываю, будучи взволнован до глубины души».

Спутник предвещал экономическую революцию. Нью-йоркская биржа откликнулась мгновенно: 4 октября упали акции 812 сталелитейных, машиностроительных, химических компаний. Зато подпрыгнули в цене акции компаний, производящих ракеты, управляемые снаряды, реактивное горючее...

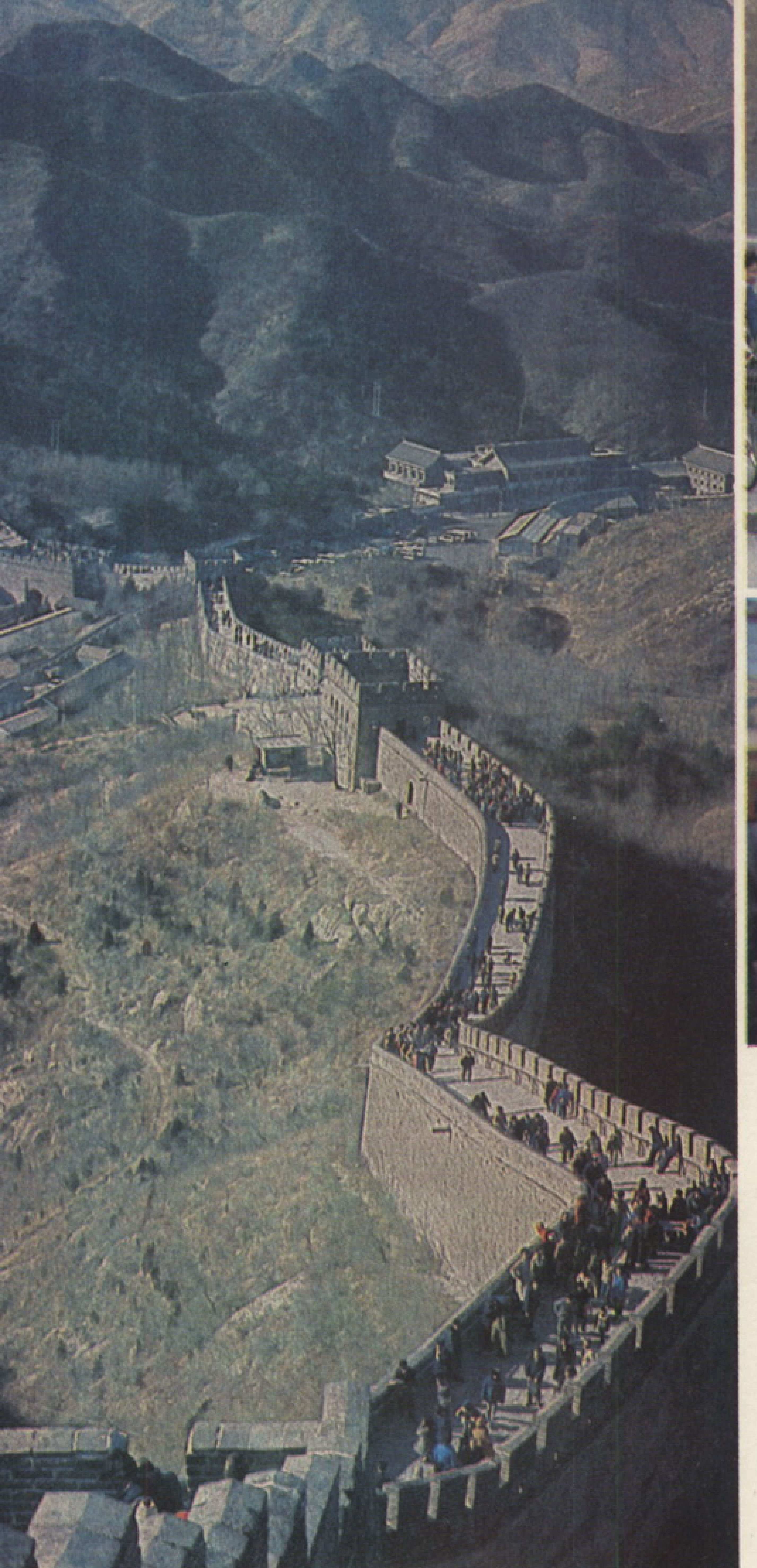
Но политическим и научным аспектом не исчерпывалось значение спутника. Главный слой восприятия — это было то, что чувствовали и думали тысячи людей во всех странах, тысячи людей, не являющихся ни политиками, ни учеными. Эти люди, никак не участвовавшие в космической программе, все-таки чувствовали свою причастность к происходящему. «В этом металлическом шаре, движущемся вокруг Земли благодаря силе, данной ему человеком, содержится новое доказательство неограниченных способностей нашего поколения, людей вообще»,— писала югославская «Политика». Толпы людей в те дни выходили на улицы и глядели в небо, надеясь увидеть маленькую светящуюся точку, пробирающуюся на фоне звездных россыпей. «Сегодня на улицах Нью-Йорка, на крышах зданий можно увидеть группы людей, вооруженных биноклями и подзорными трубами. Они старательно разглядывают небосвод в надежде увидеть спутник Земли... Сотни и тысячи радиолюбителей настраивают свои приемники на волны, на которых можно принять сигналы искусственного спутника. Первыми счастливцами, по сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, оказались радиолюбители Чарлз Гутерс и священник Чарлз Вуд из штата Нью-Джерси, которые в 11 часов 20 минут вечера 4 октября приняли сигналы радиопередатчика спутника». Спутник объединял людей разных стран, спутник, раз за разом облетая Землю, как бы давал понять людям, что все они живут на одной планете и общего у них больше, чем разделяющего. День за днем весь октябрь газеты публиковали сводки, оповещавшие людей Земли, когда спутник пройдет над их городом: «Токио — 16 часов 11 минут, Доусон — 16 часов 24 минуты, Гавана — 16 часов 39 минут, Миннеаполис — 16 часов 37 минут...» Одно чтение этих сводок говорит о том, как мала наша планета. И была какая-то трогательная забота в беспрерывных сообщениях о том, что делал спутник, как летал, как передавал. Казалось, человечество тревожится о своем ребенке: «В 6 часов спутник находился у берегов Антарктиды, затем он проследовал через Тихий океан в северо-восточном направлении, пересек Флориду и вышел в район Нью-Йорка в 6 часов 36 минут, а через 16 минут он уже пролетел над Москвой». Вот, оказывается, чему было равно расстояние между Советским Союзом и Америкой, расстояние в век спутника — 16 минут, четверть часа, если лететь над всеми океанами и разногласиями. Какое-то будущее, пока что трудно определимое, но в нем неизбежное единство человечества предвещал людям первый советский спутник.

ТУРИСТОМ В КИТАЕ

Зденек ШАЛЕК,
чехословацкий журналист
Фото В. ВЯТКИНА

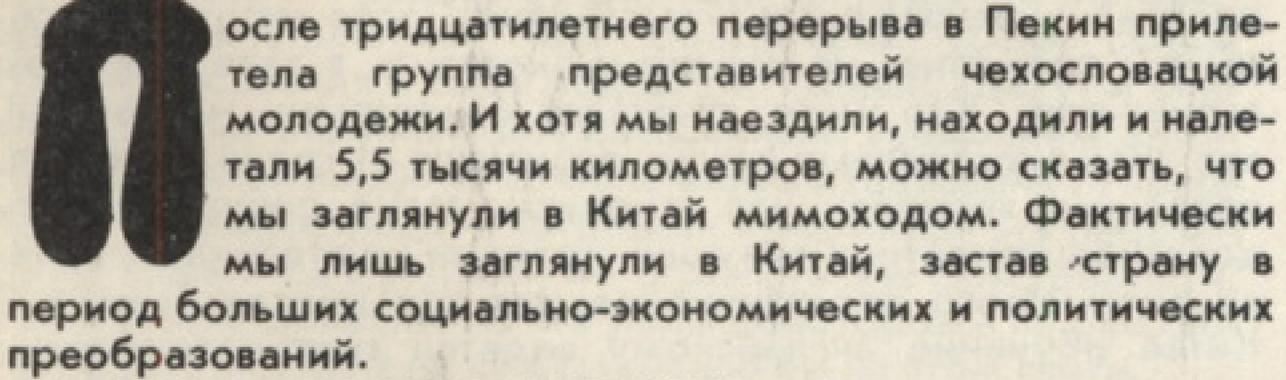

После тридцатилетнего перерыва в Пекин прилетела группа представителей чехословацкой молодежи. И хотя мы наездили, находили и налетали 5,5 тысячи километров, можно сказать, что мы заглянули в Китай мимоходом. Фактически мы лишь заглянули в Китай, застав страну в период больших социально-экономических и политических преобразований.

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ МИЛЛИАРД. ...Вот уж полчаса стою на одной из главных пекинских улиц. Навстречу валит ни на мгновенье не прерывающийся поток велосипедистов: на головах кепки, руки в белых рукавицах. Приходит нелепая мысль: может, это одни и те же люди, сделав круг за домами, вновь и вновь выныривают из густеющих сумерек?

...Центр двухмиллионного Сианя. Вхожу в ворота парка. На газонах расположились группки пожилых китайцев, сплошь мужчины, играющих в карты или шахматы. Их сотни, а может, тысячи? В парке полным-полно детей. Они бегают цепочками, рядами и беспорядочными стайками, сидят длинными рядами по двое на лужайках, играют в мяч и в салочки. Сколько их? Тоже не счесть.

...Едем в экспрессе. На путях работают железнодорожные рабочие. С кирками и лопатами. Друг возле дружки, бок о бок, и так на протяжении 50 километров.

Вот что такое миллиард жителей!

Для Китая это одна из серьезнейших проблем. В Пекине и других городах повсюду можно увидеть внушительных размеров плакаты, на которых изображаются силуэты мужчины и женщины, держащих за руки ребенка. Они могут отличаться цветовой гаммой, разнообразной техникой исполнения. Неизменной остается лишь одна деталь — ребенок всегда один. Надписи крупными, заметными издалека иероглифами призывают приложить все усилия для реализации политики планового деторождения: одна семья — один ребенок.

Увеличение численности населения сверх намеченного на конец века показателя в пределах 1 миллиарда 200 миллионов, по мнению газеты «Жэньминь жибао», неизбежно приведет к значительному сокращению дохода на душу населения, повлечет за собой новые проблемы в сфере обеспечения жильем и продовольствием, здравоохранения и образования, даже соблюдения элементарных санитарно-гигиенических норм, усугубит напряженность на транспорте. От положения в области контроля над рождаемостью, пишет другая пекинская газета «Чайна дейли», в огромной степени зависит успех экономического и социального развития КНР, зависит эффективность усилий по социалистической модернизации страны. Вот что такое миллиард!

ГОРОДА И ГОРОЖАНЕ. Из аэропорта мы проехали километров тридцать, когда, наконец, показались первые дома. В последние годы снесены столь характерные для старого Пекина приземистые домики и деревеньки в черте

города. На их месте вырастают панельные дома. Старый Пекин оказался расчлененным на множество микрорайонов, весьма удаленных друг от друга. И все же общее впечатление: Пекин — город одноэтажных домов. Вот, например, один из центральных бульваров: сначала идут одноэтажные дома, потом открытое огороженное пространство, и вдруг возникает микрорайон современных зданий, за которыми возникает деревушка из нескольких дворов.

Китайская улица — это самая что ни на есть китайская земля. Я уже говорил, как многолюдны улицы в городах Китая, как много на них велосипедистов и пешеходов. Однако уличный пейзаж будет неполным без упоминания о магазинах, кишащих покупателями, о лихорадочном темпе, вечном копошении под развесистыми кронами платанов, о лепящихся друг к другу домах и домишках, о белье, висящем на бамбуковых палках прямо на улице, о базарах и базарчиках, киосках и палатках. На каждом шагу, за каждым углом.

Каким мы, в Чехословакии, представляем себе китайца? Прежде всего скромным. Ему не свойственна двуличность, он не подведет, он добросердечен, честен и трудолюбив. Привязан к семье. Уважает умственный труд и умелые руки мастера. Образованный человек должен быть одновременно инженером, поэтом, художником, поваром и спортсменом. Отвечают ли жители Китая этим представлениям? Кто они, идущие навстречу мне, возле меня, позади меня, сидящие на корточках на краю тротуара, готовящие на бочках из-под нефти, приспособленных под плиту, чудеса кулинарии? Кто этот повар, демонстрирующий на пороге своего заведения мастерство эквилибриста, стряпая что-то вроде макарон? Что испытывают двое мужчин, занимающихся излюбленными упражнениями — разновидностью бокса, на автобусной остановке? Чем заняты мысли паренька, укладывающего в ящик пуговицы и другой мелкий товар, чтобы высвободить себе место для ночлега тут же в лавчонке? Поместятся ли в крохотных квартирках все те, кто минует меня на центральном проспекте? На эти вопросы я не всегда нахожу ответ.

ТРАНСПОРТ. Если вас спросят, что самое характерное для Китая, не спешите называть традиционный рис. Правильнее будет велосипед — этот автомобиль китайца. Он недешев, но абсолютно необходим, как стол и другие предметы обихода. Как ботинки.

Человек надевает носки, обувает ботинки и... велосипед. Городская улица выглядит так: если по тротуару идет тысяча людей, то рядом по широкой полосе, отделенной от проезжей части, едет 750 велосипедистов (1 велосипед приходится на 1,5 жителя), а посередине улицы несется 20 автомобилей, половина из которых — автобусы, остальные — служебные машины и такси. Тротуары служат местом стоянки велосипедов, некоторые стоянки охраняются. Этот бездымный и бесшумный транспорт всюду — в узеньких улочках, на крохотных двориках, на полях. Видел я однажды два прислоненных друг к другу велосипеда под крылом «Боинга-727» как раз перед нашим отлетом из Пекина.

А перевозка грузов? Это непревзойденное искусство. Я видел человека, везущего небольшой телеграфный столб, торчком привязанный к велосипедной раме и к плечу велосипедиста; видел жмущую на педали гору зелени, направлявшуюся на базар; воспитательницу яслей, путешествовавшую со своими воспитанниками в коляске, прицепленной к велосипеду. Вершину мастерства продемонстрировал шанхайский пенсионер, у которого на багажнике уместилось четыре коробки со стиральными машинами. На перекрестке при красном свете он ухватился за открытое окошко автобуса, чтобы не спрыгивать с велосипеда.

В ГОСТЯХ. Жилищный вопрос — самый больной из всех социальных проблем. Квартиры здесь невообразимо маленькие. Побывав в одной из них, я понял, что моя трехкомнатная в панельном доме — прямо-таки княжеская резиденция. В Шанхае у нас появилась возможность побывать в гостях у двух семей. Мы ввалились по десять человек в две квартирки в противоположных домах на одной улице. Нашему посещению предшествовала беседа с представителями уличного комитета одного из самых густонаселенных шанхайских районов. В ней приняли участие пенсионеры, спевшие нам на прощание «Вальс» Дворжака. Представители самоуправления объяснили, что каждая китайская семья почитает за честь принять у себя иностранных гостей, и немало удивили, сообщив, что такая честь предоставляется только тем, кто набрал самое большое число очков в конкурсе на образцовую семью. Условия конкурса нам очень понравились: 1. Любовь к отчизне. 2. Соблюдение законов и своих обязательств перед коллективом. 3. Добросовестный труд, образцовая учеба и соблюдение гражданского долга. 4. Планирование семьи и забота о ней. 5. Взаимоуважение, чистота, санитария и гигиена, забота об окружающей среде. 6. Уважение к старшим, забота о детях, хорошие взаимоотношения с соседями.

Мы поднимались по ступенькам довольно старого дома в английском стиле, а у дверей квартиры нас уже ждали хозяева — супруги средних лет и бабушка с внучкой. Нам сразу стало ясно, что эта семья безукоризненно выполняет все пункты соревнования. Мы вошли в маленькую комнату (примерно метров 13), где живут «молодые» — младшая дочь (30 лет), служащая, зять (38 лет), рабочий, повышающий свое образование, и их ребенок, трехлетняя, нарядно одетая девочка. Комната обклеена обоями, окно смотрит на улицу, с потолка свисает лампочка, все пространство заставлено современной мебелью. Супружеское ложе снабжено одеялами с электроподогревом, дома (как почти повсюду в Китае) не отапливаются, а зимой все-таки холодно. У стены стоит большой вентилятор, на тумбочке цветной японский телевизор, на нем проигрыватель и радиоприемник китайского производства. Пол деревянный, натерт до блеска.

В соседней крохотной комнатушке живут родители «молодых», в мезонине в маленькой комнате — вторая дочь с мужем и дочкой. Кухня общая. Из восьми членов семьи пятеро работают. Питаются вместе, хозяйство ведут порознь. В квартире три телевизора, три радиоприемника, два проигрывателя, стиральная и швейная машина. Пять велосипедов припарковано в маленьком дворике.

Пьем светло-зеленый чай, ведем оживленную беседу с помощью переводчика, час спустя прощаемся как добрые друзья.

ВСТРЕЧИ С МОЛОДЕЖЬЮ. Как живут китайские парни и девушки, как одеваются, как проводят свободное время, как решают школьные проблемы? Первое, что мы поняли,— китайская молодежь находится в центре внимания общества, нуждающегося в ее энергии, честолюбии, отважном стремлении продвигать все новое, в том числе современное мышление. Обществу приходится с пониманием относиться к мнению и запросам молодых: еще в недавнем прошлом они жили в трудный период и пока не вполне осознали, какой огромный шанс предоставляется им сейчас.

На встречах с представителями Коммунистического союза молодежи Китая мы неоднократно слышали о том, какие серьезные задачи стоят перед 50-миллионной организацией. Прогрессивная молодежь Китая, говорили нам, готова вновь завязать дружбу с молодежью соцстран, обмениваться делегациями и опытом.

Очень интересной оказалась встреча со студентами политехнического института в Лояне. После короткой беседы мы поднялись на чердак и оказались в зале для игры в пинг-понг. Кто умел, сражался с местными мастерами, кто знал иностранные языки, отбивался от града вопросов, которыми засыпали нас студенты. Меня окружили пять девятнадцатилетних девушек, которые не стеснялись своего английского произношения, как это иногда бывает. В Китае обучение английскому ведется систематически, а почти ежедневные телепередачи с фильмами на английском языке способствуют интенсивному обучению. Вопросы моих собеседниц касались нашей вузовской системы, профессиональных перспектив выпускников, жилищных условий и т. д. Узнав, что у нас замуж выходят и в 18 лет, а женятся в 19, девушки были страшно удивлены. После окончания института они пойдут работать на Первый тракторный завод «Алеет восток», который послал их учиться

сюда. На вопрос, как проводят свободное время, они ответили, что увлекаются вышиванием, музыкой, ходят в кружок пения, театральный кружок, много времени занимает изучение иностранных языков. Ездят ли на велосипедах на экскурсии? Нет, только в институт.

Молодежь жалуется, что повысились цены на некоторые предметы жизненной необходимости по вине частных торговцев-спекулянтов. Во время нашего пребывания в газетах шла полемика о повышении расходов, связанных со свадьбой. Они выросли на 70 процентов, и стало правилом, что семья невесты требует от жениха подарки как выкуп за потерю рабочих рук. Под подарком имеется в виду одежда, телевизор, проигрыватель, велосипед и т. д.

Страстное желание молодежи высказать свое мнение и свободно обсудить жизненные проблемы привело к открытию в Пекине в 1985 году «Академического клуба». Участники диспутов и специалисты собираются раз в месяц. Темы самые разные: введение рыночного механизма в экономике, вообще экономическая реформа, децентрализация, законность, политика.

ВЧЕРА — ВЕЛОСИПЕД, СЕГОДНЯ — ЦВЕТНОЙ ТЕЛЕВИЗОР. Если меня спросят, как живет средний китаец, я отвечу: весьма и весьма скромно. Я уже писал, как три поколения — три семьи живут в очень маленькой квартире, за которую платят с учетом всех удобств 15 процентов общей зарплаты. Пища самая скромная, дающая лишь 70 процентов необходимого количества калорий, уходит на нее 40 процентов доходов. Как я уже говорил, одежда стандартная, неприметная, на экскурсии и курорты китаец не ездит, не пьет алкогольных напитков и ничем дорогостоящим не увлекается. Обязательно экономит в среднем одну пятую часть зарплаты на непредвиденные расходы. Интересны результаты опросов общественного мнения, которые показали, что критерием жизненного уровня семьи считается обладание холодильником, стиральной машиной, цветным телевизором и каким-нибудь проигрывателем или радиоаппаратурой. Любопытно, что несколько лет назад мерилом благосостояния служил велосипед, швейная машина, часы и транзистор. Статистические данные свидетельствуют, что, например, в Шанхае, крупнейшем промышленном центре страны, где зарплата минимум на 20 процентов выше, чем в других городах, из ста семей 24 имеют цветной телевизор, 54 — стереоаппаратуру, 59 — стиральную машину, 13 — холодильник. Но эти данные, конечно, не характерны для сельских жителей.

Социальные гарантии: бесплатное медицинское обслуживание, пособие на единственного ребенка, полное сохранение зарплаты при 76-дневном декретном отпуске, пенсия в размере 80 процентов зарплаты.

В Китае широко разветвленная семья издавна крепко спаяна величайшим уважением детей к родителям и отцов к дедам. Китаец не в состоянии понять, как это наши дети стремятся быстрее вылететь из родного дома, забывая о родителях, не говоря уж о бабушке с дедушкой. Китайская поговорка утверждает: больше детей — больше радости. Тем более вызывает восхищение понимание проблемы и дисциплинированность нынешнего поколения. Это особенно бросается в глаза на улицах: всюду встречаются семьи из трех человек. Папа, мама и единственный ребенок (политика самых высоких пособий на одного ребенка, конечно, сыграла решающую роль в сокращении рождаемости). Единственному чаду обеспечены уроки пения, музыки, рисования и тому подобное. Однако растут и опасения, что из окруженных повышенным вниманием единственных детей вырастет изнеженное и избалованное поколение. Молодые люди, с которыми я обсуждал эту проблему, соглашаются с мерами по ограничению рождаемости, но с улыбкой добавляют, что рады некоторому их опозданию: иначе их самих не существовало бы на этом свете.

ШИРИНКА — СИМВОЛ ДЕТСКОЙ БЕЗЗАБОТНОСТИ. На фоне сероватых костюмов взрослых буквально бьет в глаза пестрота детской одежды. Находчивость родителей подчас граничит с гротеском, а беззащитность крошек просто трогательна. Самые маленькие носят красные остроконечные шапочки, дошкольники — почти военную униформу и фуражки. Особенность одежды малышей до 4-х лет — ширинка в паху, позволяющая совершать все дела без помощи родителей и всяких сложных раздеваний и одеваний. Видел я мальчика и девочку, присевших по нужде на центральной площади и державшихся за руки. Хуже было с мальчиком, присевшим возле киоска с сувенирами, разложенными прямо на земле на базаре в Люяне; покупатели старательно обходили киоск.

Ребята постарше почти все занимаются в Домах пионеров. И тут прекрасное оборудование, которого хватает на всех. В Цзяолине мы были гостями Дворца детей, его хозяева карабкались, ползали, скакали, проползали под низкими жердями, пролезали через трубы. И я думал о врожденной артистичности этого народа, а не о том, что из единственных чад могут вырасти избалованные неженки.

ДЕРЕВНЯ КОРМИТ СЕБЯ САМА. При мысли о китайской деревне моему внутреннему взору почему-то представлялись бескрайние поля. Как бы не так. Папы, мамы, дети, бабушки, дедушки, склонившиеся над маленькими рисовыми и пшеничными полями, копающиеся в овощных грядках, работающие на педальных молотилках, погружающие урожай на тележки и тачки, которые тащат люди, ослы, кони или мини-тракторы — так романтически выглядит современная китайская деревня. К тому же и земля напоминает костюм клоуна: вся из разноцветных лоскутков.

Китай пока еще считается бедной страной. Одной из причин недавней нищеты была крайне низкая производительность сельского хозяйства. Государству приходилось кормить и одевать 100 миллионов крестьян, имевших доход ниже допустимого жизненного уровня.

Реформа 1978 года изменила положение. Теперь семья как трудовая ячейка имеет право брать в аренду кооперативную землю, заключать с государством договор о поставках своей продукции в зависимости от размера участка, который она рискнула взять, с тем, что излишки можно продавать по рыночным ценам. Кроме того, семьям разрешено (и оказывается помощь) открыть собственный промысел или включиться в кооперативный: ремонтировать в мастерских сельхозтехнику, работать на местных кирпичных или других заводах, на различных маленьких фабриках, выпускающих сувениры. 200 миллионов крестьян получили возможность таким образом подрабатывать, тем самым прекратился отток сельского населения в города и был решен вопрос об «урбанизации» деревни, началось строительство домов и других необходимых помещений из кирпича, который дает местная промышленность из местного же сырья. Первоочередной задачей было добиться самоснабжения каждой семьи. Идея оказалась удачной, каждая семья обеспечивает себя всем необходимым, и производство сельскохозяйственной продукции неуклонно растет. Незабываемая картина: рыночные продавцы, чуть свет бегущие на базар со свежим урожаем.

ПОТРЕБИТЕЛЬ ОПРЕДЕЛЯЕТ АССОРТИМЕНТ. Мы на огромном тракторном заводе в Люяне. Пьем традиционный зеленый чай и слушаем рассказ о заводских делах. Предприятие выпускает тяжелые тракторы, мини-тракторы, грузовики, велосипеды, другие машины, а также оборудование. Собеседники особенно подчеркивают гибкое переориентирование производственного плана, в прошлом невыполнимого из-за неповоротливости центральных органов планирования. Радикальная реформа в сельском хозяйстве, разделившая огромные поля на маленькие кооперативные и еще меньшие семейные, понизила спрос на тяжелые тракторы и повысила на мини-тракторы. Изменения в политике планирования, когда централизованные планы являются лишь основой, когда предприятия могут гибко приспосабливаться к изменениям спроса, создают условия для движения вперед.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! Третья по площади страна мира, таинственная, десятилетиями наглухо закрытая сокровищница потрясающих памятников старины вдруг распахнула свои двери для туристов! Самая выгодная экологически безвредная промышленность! В 1980 году зазвонили телефоны во многих иностранных бюро путешествий и туризма, и у служащих захватило дух от открывшихся перспектив. Китай приготовился к нашествию армий путешественников и выдержал первый приступ. Китайская авиакомпания име-

ет собственные «туполевы», «ильюшины», «боинги». Пекин соединен воздушными трассами со всем миром. Начинается производство китайских самолетов, в особенности для внутренних линий. Внутренние рейсы занимательное приключение: на старте стюардесса приветствует пассажиров на странно звучащем для европейского слуха китайском языке, вызывая впечатление прощания с землей и порыва навстречу таинственно-прекрасной потусторонней жизни. В дороге звучит национальная музыка, которая при посадке сменяется произведениями европейских классиков. Во время полета подается кофе или зеленый чай, и за свою отвагу пассажиры награждаются игрушечным медвежонком панда, или альбомом, или маленькой брошкой в виде шляпки.

Вокруг туристов вьются продавцы сувениров, предлагая будд в миниатюре, медвежат, слонят, тигров, верблюдиков, джонки, гусят... Эти сувениры, в большинстве сделанные со вкусом, стоят астрономических денег.

Кульминацией туристских впечатлений было посещение Великой китайской стены и недавно раскопанного захоронения конца I тысячелетия до нашей эры недалеко от Сианя. Основная часть Великой китайской стены была построена в 221—207 годах до нашей эры, когда произошло объединение страны в единое централизованное государство. Участок стены, который мы видели, находится в 75 километрах северо-восточнее Пекина. Селение неподалеку от стены напоминает небогатую швейцарскую деревушку в горах. Над приземистыми домиками высится торговый центр с рестораном, на котором вывеска на английском «Big Wall Center» («Центр Великая стена»). Сама стена доступна для осмотра на протяжении двух километров и обсижена туристами, как сахар мухами.

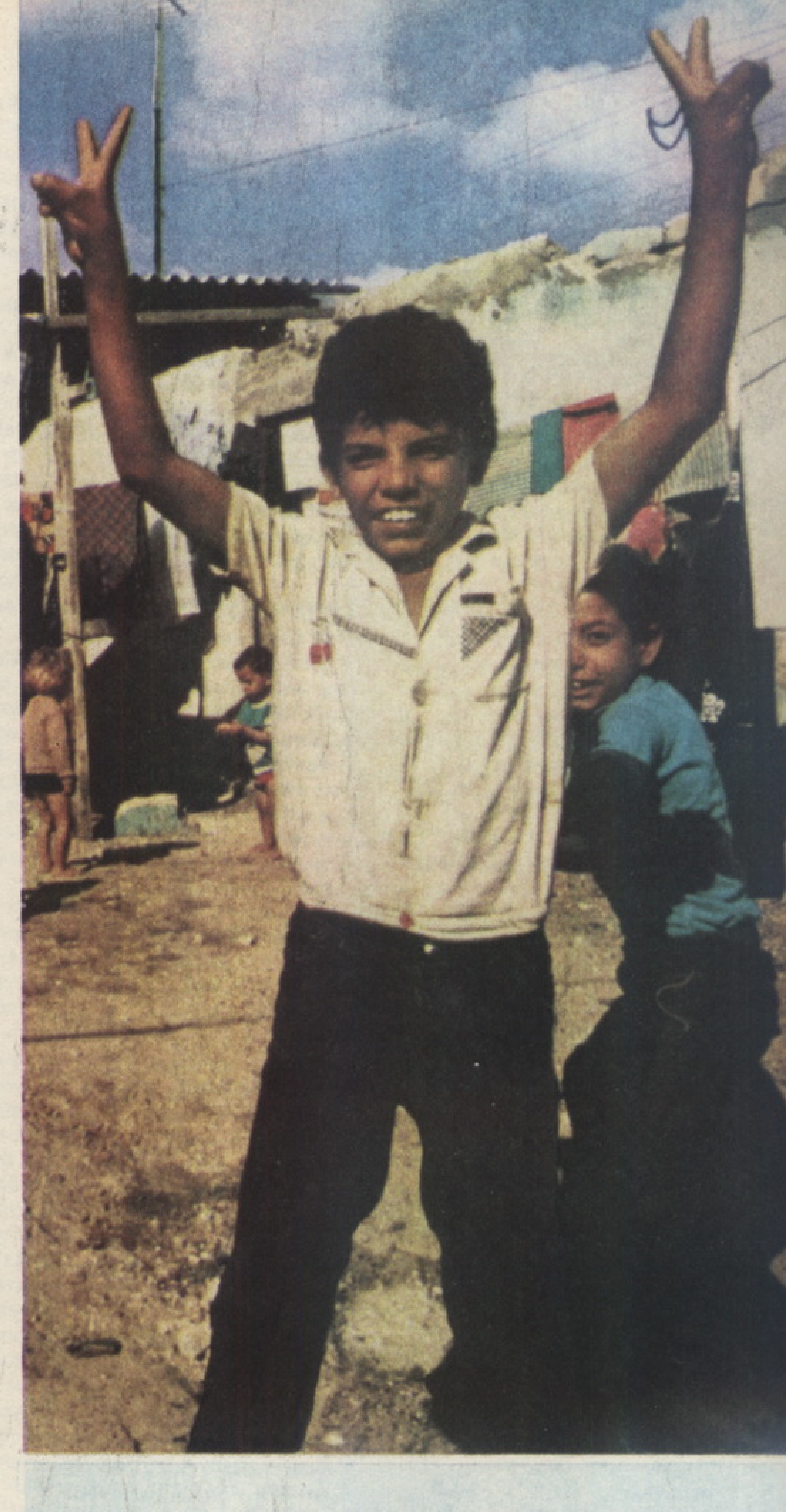
Захоронение императора Цинь Шихуанди находится в бывшей резиденции императоров неподалеку от Сианя. Сначала мы увидели холм, объехали его и свернули на большую бетонную стоянку. У забора стояли киоски с разморенными продавцами, за забором — два современных здания: музей и ресторан. Далее нечто невероятное: стеклянный зал длиной 230 метров и шириной 64 метра с внутренней галереей для туристов вдоль стен. Посередине зала — видение: в желтовато-коричневой глине тремя рядами по пятеро застыли в боевом строю 6 тысяч солдат, сделанных из терракоты, высотой 180 сантиметров. У каждого солдата свое выражение лица, отличающееся от других, иное положение рук, держащих оружие, которое, правда, не сохранилось. Эти терракотовые воины и терракотовые кони в натуральную величину символизируют императорскую армию, в полном составе (во время раскопок находят все новые фигуры) захороненную вместе с императором и сторожившую его вечный покой. Замечательное сокровище человеческой культуры, над созданием которого более двух тысяч лет назад трудилось 6 тысяч человек в течение 36 лет!

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОГУЛКА по пекинской улице перед возвращением в Европу. Снова я зачарован скоплением людей на небольшом пространстве. Вхожу в центральный универмаг. Тысячи людей снуют туда и обратно. Двери напоминают открытый водопроводный кран. Людское половодье у прилавков. Продавщица спокойна. Распаковывает коробку с китайским проигрывателем, подключает все, что надо, и показывает, а если покупатель говорит нет, отключит, разберет и снова упакует. Нисколько не нервничая.

Возвращаюсь в гостиницу. Мысли заняты гигантскими цифрами, которые господствуют в этой стране и характеризуют ее. Миллиард жителей, 2 миллиона вузовских студентов, 15 миллионов учеников средних школ, 100 миллионов учеников начальных школ. Огромные цифры. И наоборот, чего-то удивительно мало! Седовласых и грузных мужчин. Беременных женщин и девушек в юбках. Детских колясок, личных автомобилей, неоновых реклам, плакатов, собак. Уголовных элементов и подвыпивших прохожих, что само по себе восхитительно.

«Уан юань»,— один юань — малыш предлагает мне купить у него глиняную фигурку будды. Эти слова мы слышали миллион раз.

Перевела с чешского Т. ОСАДЧЕНКО

ГРАНИЦА ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ

Андреас ВОЛЬФЕРС, западногерманский журналист

Камень, обернутый в бумагу, перелетает через заграждение из колючей проволоки, мимо контрольного поста, в сторону кричащей толпы. Мужчина тяжело выпрямляется, следя за его полетом. Неожиданно включается громкоговоритель, установленный на столбе возле сторожевой башни, раздается шипение и свист динамика, четверо израильских солдат выглядывают из-за перил сторожевой башни и смотрят, что происходит под ними.

Перелетевшее с камнем послание прочитано.

Вот слышится крик, обрывки арабских слов, и камень с ответным посланием перелетает обратно. Записку нетерпеливо хватают, передают самому пожилому мужчине, он долго изучает ее, не говоря ни слова, котом передает ее другим. Мужчина поднимает руки: «Принято».

Так проходит беседа между друзьями и родственниками, палестинцами, жителями одного города, но гражданами разных государств. Рафах поделен: по ту сторону развевается египетский флаг, здесь, в Газе, занятой израильскими войсками,— флаг со звездой Давида. Граница проходит по главной улице, и через нее ежедневно происходит обмен важнейшей информацией: болезни, рождения, смерти, браки, увольнения. Эпизоды жизни на обрывках бумаги.

Тут замечаем, что бинокли израильских солдат направлены на нас. К нам подъезжает военный «джип» с пулеметом. Проверка документов.

— Счастливого пути! — пожелал нам один из солдат. Счастливого пути по Газе? Каникулы среди колючей проволоки и лагерей для беженцев?

Великолепные пульманы с кондиционерами проносятся мимо, следуя из Тель-Авива в Каир, в течение сорока минут пассажиры созерцают безрадостную панораму за окном: обломки машин, заброшенные деревни и захламленные отбросами дюны. На территории длиной сорок пять и шириной восемь километров живут более полу-

миллиона палестинцев, почти половина из них в огороженных колючей проволокой лагерях для беженцев — восемь битком набитых лагерей, самых заселенных на Ближнем Востоке.

В 1971 году тяжелые бульдозеры израильтян вломились в эти лагеря беженцев и пробороздили контрольные просеки двадцатиметровой ширины среди моря бараков, куда следом легли рулоны колючей проволоки. Но сопротивление оккупации так и не прекратилось. В военные «джипы» летят камни, даже зажигательные бомбы, дети бросают камни в частные израильские автомобили.

Поэтому я с благодарностью думаю о том, что веду автомобиль с табличкой, указывающей на арабское происхождение ее владельца. Мухамед, цирюльник из палестинского лагеря беженцев, дал мне ключи от своей машины. Взять напрокат израильский автомобиль мне было бы проще, но желтые таблички с номерными знаками израильтян различит любой ребенок, взявший в руки камень — свое первое в жизни оружие протеста.

Омар-аль-Мухтар — главная улица Газы. Она начинается у Средиземного моря и тянется пять километров среди холмистого города мимо грязных, грозящих обвалиться фасадов желтых домов, учреждений, мимо городского парка с чахлыми деревьями, мимо множества лавок к торговому кварталу. Оглушительный гомон, яркие одежды, запах сладких пирожков с медом и жира, на котором жарят горох. На площади Палестины кто-то ударяет меня по плечу: «Как ваше имя?» Передо мной задавший этот вопрос по-английски молодой парень, уличный торговец, под мышкой у него пакет сандалий из цветного пластика. Он вслушивается в мой ответ, в мое произношение, и неожиданно по-немецки, на саксонском диалекте спрашивает: «Ты знаешь Лейпциг?»

Я своим ушам не верю. Он страшно веселится, и его акцент еще больше усиливается: «Я уже четыре года изучаю там экономику».

Здесь он на каникулах и очень обрадован, что на сегодня можно забыть про сандалии: он просто обязан пригласить меня выпить чаю у его родителей. В обществе семьи, которая внимает нашему совершенно непонятному для нее диалогу, я узнаю от палестинца, как учатся в социалистической Германии. А заодно и о том, как трудно отсюда куда-либо выехать. «Вот это,— он вытаскивает из кармана удостоверение,— самая большая проблема.— Он перелистывает израильское удостоверение личности и показывает графу «национальность» — прочерк. Он не имеет национальности и гражданства тоже.

У всех жителей Газы в удостоверениях стоит такой прочерк: более полумиллиона лиц, не имеющих ни национальности, ни гражданства! В 1948 году сто шестьдесят тысяч палестинцев бежало из родных деревень, когда было создано новое государство Израиль. Они бежали на территорию, обозначенную на карте ООН как государство Палестина, граничащее с Израилем. Но новая Палестина так и не родилась. В Газу вошла израильская армия.

Юридически это народ, живущий на оккупированной территории, но израильтяне толкуют об «освобождении библейской родины»,— израильские военные твердят о безопасности своих государственных границ, в то время как их наместники на оккупированных территориях разглагольствуют об улучшении уровня жизни арабского населения. Израильский кадровый военный, выполняющий функции правителя «полосы» в Газе, утверждает, что «с тех пор, как мы взяли бразды правления, прогресс налицо».

Цирюльник Мухамед, давший мне напрокат свою машину, говорит обратное. Мы в лагере, где он живет. Мухамед ведет меня по песчаным улочкам, кое-где не шире полуметра, через лес фанерных бараков и плохо покрашенных домов. Проходим мимо кузова автомобиля, который служит курятником, еще несколько поворотов, и мы оказываемся в маленьком дворике. Несколько виноградных лоз, и под их тенью в углу плетеные стулья. Телевизионная антенна на крыше наводит на мысль о некотором благосостоянии хозяина, но здесь, в крохотном домике, ютятся одиннадцать человек.

Мухамед рад, что у него много детей. Но самая большая гордость — старший сын Файез. «Он выбился в люди. Работает инженером в Риаде, и теперь регулярно присылает нам деньги». Чтобы отправить сына учиться в Саудовскую Аравию, Мухамед годами копил деньги, работая каменщиком в Тель-Авиве. Плата была нищенской, не выше, чем в Газе. Когда боли в спине стали невыносимыми, он купил себе кресло цирюльника, зеркало и ножницы, забрал из школы Исмаила и Хассана. Теперь пришел их черед с 4.30 утра работать на стройке в соседней стране. На деньги, присланные старшим, отец купил телевизор.

Мухамед выглядит уставшим: «Мы очень много работаем. Жена также подрабатывает шитьем, но денег не хватает, инфляция уносит все подчистую».

Да, для экономики Газы настали тяжелые времена. Селим, сегодня вечером он тоже гость Мухамеда, рассказывает: он много лет работает водителем автобуса, и его старший сын мог учиться на инженера в ФРГ. Но теперь денег не хватает даже на жизнь, не то что на оплату образования сына. И все-таки Селим не сдается.

В кабинетике Ассада Мики в центре Газы вьют гнезда мечты те, кто стремится уехать учиться за границу. За окном — толстые нити колючей проволоки, а на стене веселые плакаты: «Добро пожаловать в Австрию», «Манхаттан ночью», «Стокгольмский университет». Дела агентства идут плохо. В прошлом месяце Ассаду удалось пристроить всего шесть студентов. Все меньшему числу семей удается отложить сумму, необходимую хотя бы на дорогу. Ассад Мики жалуется на экономический кризис Израиля, в который, естественно, втянута зависящая от него Газа. Газа перенаселена, промышленных предприятий мало, сельское хозяйство не развито, поэтому более половины работоспособного населения — более 50 тысяч человек — работают в Израиле официантами, садовниками, сельскохозяйственными рабочими, каменщиками.

Рано утром, еще затемно, я приезжаю на перекресток неподалеку от израильского курорта Ашкелон близ границы с Газой. Здесь «рынок рабов»: между четырьмя и пятью утра собираются рабочие-поденщики. Сегодня собралось больше сотни мужчин, женщин, детей.

Когда первый израильский фургон останавливается, все бросаются на него и повисают гроздьями, громко обсуждая плату и торгуясь. Шесть человек залезают в первый фургон. Потом приезжает еще несколько машин, и площадь пустеет.

Саид рыбак, оставшийся на мели. На прошлой неделе береговая охрана арестовала его в закрытых водах и отобрала лодку. Он смотрит на меня злющими глазами: «А что мне было делать? Раньше здесь было полно рыбы, всегда возвращались с уловом, а теперь нам даже море заказано, и все по причинам израильской безопасности».

От его барака открывается вид на переполненный пляж Ашкелона. Израильтяне и многочисленные туристы со всего мира купаются в теплых волнах Средиземного моря. Но к югу от заграждения из колючей проволоки уже нет купальщиков. Только два шумных трактора, с помощью которых коллеги Саида вытаскивают из воды свои моторные рыбачьи лодки. Вдоль колючей проволоки взрыхлена широкая полоса, которую ежевечерне обследуют израильские солдаты, проверяя, не было ли какой тайной высадки. Ночью вдоль всей полосы Газы устанавливается комендантский час.

Саид сидит и смотрит на море, в руках у него четки. Только через шесть недель ему разрешат вернуться к работе. Но к тому времени сезон рыбной ловли будет закончен.

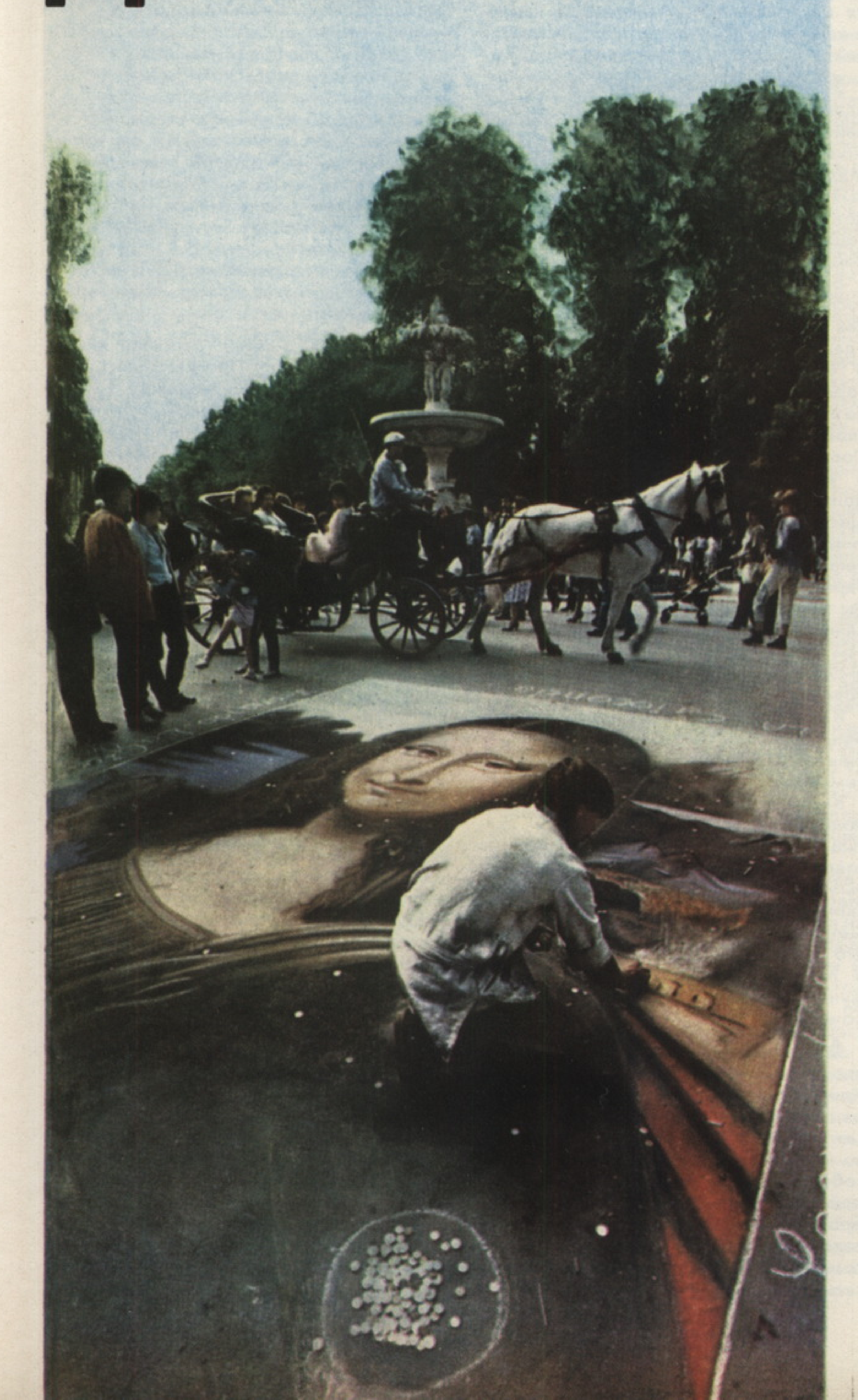
Внешне все спокойно сегодня в секторе Газа. С помощью армии и военной администрации Израиль крепко зажал в кулак арабское население. Политические движения запрещены, все шесть профсоюзов, три профессиональных ассоциации, спортивные и благотворительные общества находятся под бдительным присмотром, и практически все их мероприятия требуют специального разрешения.

И все-таки раньше или позже ненавистные оккупационные войска должны убраться. Многие в этом глубоко уверены.

Перевела Е. ЛИВШИЦ

СЕМЬ НЕПРИВЫЧНЫХ ДНЕЙ

Карлос БЕНЕТ,
испанский сенатор

Карлос Бенет, будучи сенатором от Народно-демократической партии Испании (НДП), счел необходимым «оставить кресло отца отечества и пойти в народ для того, чтобы узнать его нужды». По этой причине этот 30-летний господин, торговый эксперт по профессии и председатель отделения НДП в Мелилье, решил пожить в тех условиях, с которыми ежедневно сталкиваются тысячи людей в Испании, и попытаться найти работу в таком городе, как Мадрид. Ниже следует краткое изложение истории, рассказанной им самим. Дневник семи очень непривычных дней в жизни испанского сенатора.

2 октября. Попытаться войти в роль отчаявшегося человека не так просто. Прежде всего я думал о беспокойстве, испытываемом человеком, который нуждается в срочном решении своих проблем и не имеет никаких контактов или друзей в огромном городе, чужом для него. Я решил выбрать наиболее доступный и самый известный способ: покупать газеты и просматривать объявления о найме на работу.

Тщательно просмотрев газеты, я обнаружил два вида объявлений: предназначенные для тех, кто зарегистрирован в бюро по трудоустройству, и другие, которые, по сути дела, являются не чем иным, как маленьким обманом.

Я выбрал два объявления и пошел по указанным адресам. В первом случае речь шла о любопытном предложении продавать книги. Любопытным было то, что перед тем как продавать, ты должен сам купить книги на 3 тысячи песет, с тем чтобы потом сбыть их с выгодой для себя в 25 процентов. У дверей бюро стояла очередь приблизительно из 40 человек, в большинстве молодых, которые ищут хоть какой-то источник существования. Разговоры, которые я услышал в очереди, не оставляли никаких надежд, однако многие были готовы схватиться за первое попавшее под руку дело. Когда человек за окошком ознакомил меня с условиями «работы», я ответил ему тоном, который, кажется, не очень его удивил: «Это же надувательство», и ушел, уступив свое место тем, кто был сзади меня в очереди.

Я бродил по улицам, заговаривал с людьми, к которым раньше бы никогда не подошел, и завершил свое хождение на площади Гран Майор, съев бутерброд за 150 песет в небольшом баре.

Вечером я наткнулся на объявление о продаже духов. Имелась лишь одна проблема, «работа» могла принести доход лишь в том случае, если есть автомобиль. Десятки людей, большей частью мужчин, стоявшие со мной в очереди, единодушно считали: «Это все обман».

Я обращался с просьбой о работе к людям в мелких лавочках, к тем, кто расположился в парках. Однако ответ всегда был один и тот же: «Ничего нет. Дела паршивые...»

Тем не менее в конце дня я испытал нечто приятное. На площади Колумба, на месте, где располагаются бродячие торговцы, я увидел Хосе Луиса, 27-летнего парня, продававшего цветные наклейки для того, чтобы заработать себе на учебу в профтехучилище. Мы разговорились, и он предложил мне комнату своего друга, с которым он вместе снимает квартиру и который временно уехал. Я мог спать там в течение трех дней. Это был счастливый финал малорадостного дня.

3 октября. Второй день вновь начался с чтения газет. Еще раз убедившись, что во многих из них говорилось о необходимости быть зарегистрированным в бюро по трудоустройству, я решил отправиться туда и посмотреть, что там предлагают человеку, приехавшему из другого города и срочно нуждающемуся в работе. Те часы, которые я провел в этом бюро, были самыми унизительными в моей жизни. Это довольно-таки просторное помещение в доме под номером 7 на улице Аточа. Туда обращаются десятки людей, теряющих надежду, что видно по их лицам. Как ни парадоксально, для выслушивания их просьб там всего пять работников. По моим подсчетам, на каждого просителя в среднем отводилась минута. Ни больше ни меньше. При такой скорости сотрудник бюро может лишь поверхностно ознакомиться с делом. Именно так получилось со мной. Мне привели ряд бюрократических доводов, которые я почти не понял, после чего в качестве вывода сказали, что я не могу быть поставлен на учет в этом бюро, поскольку не являюсь жителем данного района.

Когда в середине дня я вышел из бюро, я в первый раз ощутил неприятное чувство беспомощности. Я, сенатор, как говорится, отец отечества, на своей собственной шкуре испытал силу раздирающих когтей ужасной бюрократии, и, поверьте мне, в этом не было ничего приятного.

4 октября. Когда я вышел из квартиры моего нового друга, то еще не знал, что предстоящий день принесет мне столь много удивительных открытий и новых ощущений. Все утро я провел в бюро по трудоустройству на улице Богородицы королевы милосердной, дом 1, где я должен был зарегистрироваться. Простояв в очереди и объяснив там, что у меня в кошельке осталось всего лишь 3600 песет (чуть больше 10 рублей.— *Ред.*), я услышал краткий ответ: «Таких, как вы — тысячи». Тем не менее мне пообещали занести все соответствующие данные в компьютер и рекомендовали проявлять терпение. После того как я услышал такие слова, мое настроение, скажу прямо, упало. Я спросил, можно ли поговорить с директором этого бюро доном Атилано. Он согласился меня принять и, к моему изумлению, в качестве единственной возможности дал мне следующий совет: «Сейчас работу могут найти лишь те, у кого есть какой-то друг, который бы ему ее предложил». Несколько дней спустя, когда я уже публично сообщил о своем «эксперименте», я вновь вернулся в это бюро, но не смог поговорить с доном Атилано. Вместо него я увидел сотрудников бюро, бросавших на меня злые взгляды; несомненно, они получили нагоняй от начальства, которое в этом, как и в других случаях, предпочитает обвинять во всем подчиненных вместо того, чтобы решать вопросы по существу. Вечером я бродил по Маласанье, беседуя с разочарованными и не имеющими перспектив на будущее молодыми людьми. Некоторые из них занимаются торговлей наркотиками, а другие просто пытаются найти средства для существования.

5 октября. Учитывая, что мне не удается найти работу, я попытался найти какую-либо поддержку или помощь в таком огромном городе, как Мадрид. Я направился в муниципальный совет. Там мне сказали, что меня должна принять сотрудница, ведающая социальным обеспечением, которой поручено решать вопросы, связанные с оказанием помощи, но сейчас эта госпожа ушла. Я возвратился в час дня, как мне сказали, однако мне снова не удалось увидеть нужную сотрудницу. В 14.30, после того как я прождал полтора часа, мне сказали, что помощник по социальным вопросам ушел в городской совет и возвратится лишь завтра. Поскольку приближалось время обеда, и у меня еще оставались какие-то деньги в кошельке, я отправился в общественную столовую на улице Мартинеса Кампоса. Там мне сказали две вещи: во-первых, что я должен иметь карточку безработного для того, чтобы поесть и, во-вторых, что я пришел слишком поздно. Мне удалось увидеть там лишь группу обедающих людей, число которых достигало почти 200 человек.

К тому времени я уже не был способен продолжать свои похождения и решил позвонить в дверь духовной семинарии.

Когда я объяснил привратнику свое положение и попросил, чтобы святые братья меня накормили, он дал мне ответ, который был самым удивительным из тех, которые я, как христианский демократ, мог ожидать: «Священники не могут вас принять, потому что они едят». В восемь часов вечера я пришел в ночлежку мадридского муниципалитета и провел там всю ночь.

6 октября. На пятый день своих злоключений я направился на площадь Кристино Мартоса, где, как мне сказали, меня могли проинформировать о тех возможностях, которые государство предоставляет желающим начать собственное небольшое дело. Меня действительно забросали бумагами, брошюрами и рекомендациями. Однако моя проблема заключалась не в том, чтобы сделаться богатым за десять лет, а в том, чтобы просуществовать на 1500 песет, которые к тому моменту оставались в моем кошельке. В середине дня я отправился в клуб престарелых под названием «Сан-Франциско Хавьер» мадридского муниципалитета, который находится на улице Франкоса Родригеса. В конце концов я натолкнулся на человека, готового протянуть мне руку помощи, хотя для этого он и должен был нарушить бюрократические предписания. Мария Луиса Гейнос сказала мне, что это место лишь для престарелых, однако она дала мне бутерброд с вареной колбасой, чтобы я немного утолил голод. Когда я его съел, я впервые сообщил, кто я на самом деле.

В ту ночь я спал на деревянной скамейке на площадке, расположенной за зданием испанской телефонной компании. Вместе со мной расположились около 10 человек, в их числе цыганская семья, которая в эту же ночь отправлялась в Валенсию. Ночь была прохладной, и цыгане предложили мне еду из котла, под которым они жгли огонь прямо посередине улицы. Я их сердечно поблагодарил. В 4.15 утра четыре ночных сторожа прогнали нас оттуда. Я едва смог сдержать свое негодование.

7 октября. У меня осталось лишь около тысячи песет. Проскитавшись целый день, я утратил надежду найти какую-либо работу. Вечером, утомленный и униженный, я решил зайти в приют «Сан-Исидро», расположенный в Королевском проезде, дом 34. Раздосадованный тем, что меня отказались принять, я сказал, кем являюсь, и попросил разрешения осмотреть ночлежку. Там я увидел Марию Ресио Санс, с карточкой социального обеспечения номер 28/143702. Этой женщине было около 70 лет, и полиция нашла ее на улице с приступом эмболии. Ночью ее отвезли в больницу «Ла-Пас», а затем вновь доставили в ночлежку в связи с необходимостью выполнить ряд бюрократических процедур. Ее попытались отправить в госпиталь «Пуэрта-де-Иерро» и вновь привезли назад по этой же причине. Позже мне удалось узнать, что в конце концов ее приняли в госпиталь «Пуэрта-де-Иерро».

8 октября. В последний день моих странствий я решил походить по Мадриду и подумать над тем, что я видел и что пережил. Я много думал о бесчувствии многочисленных должностных лиц, которые обязаны помогать нуждающимся людям. Я пришел к мысли, что бюро по трудоустройству служат лишь для того, чтобы давать должностным лицам работу. Я думал о том, насколько несправедливым продолжает оставаться испанское общество, и решил направить запрос в правительство в этой связи. В конечном счете я сделал вывод, что полученный опыт обогатил меня лично, однако прежде всего он меня унизил. Тем не менее я считаю, что ради того, чтобы познакомиться с реальным положением вещей, через это стоило пройти.

КОНТИНЕНТ ЧУДЕС

Изабель АЛЬЕНДЕ,
чилийский публицист

Большое пятно на карте, у него форма больного сердца,— леса, в которых растут ароматические деревья, побережья с рыбой и перламутром, в долинах плоды и птицы, горы, полные благородных металлов: это Латинская Америка, земля неслыханных сокровищ, на которой живут неслыханно бедные люди. Она начинается на севере у Рио-Гранде и кончается на самом юге мира венцом островов, иссекаемых ветрами и волнами. Страны Бенилюкса уместились бы внутри одной чилийской провинции, Амазонка широка, как Ла-Манш, бразильские джунгли занимают площадь бо́льшую, чем ФРГ и Франция, вместе взятые. География, превышающая любой масштаб, со всеми климатическими зонами, в которых живут потомки всех рас и рядом друг с другом существуют все эпохи истории.

В то мгновенье, когда вы читаете эти строки, в промерзшем городе в Андах инженеры работают на компьютерах, а жители раскаленных джунглей находятся в каменном веке и голышом идут на охоту. Невозможно описать латиноамериканскую женщину или латиноамериканского мужчину: образ жизни индейца племени йомани и жителя Буэнос-Айреса различаются сильнее, чем образ жизни скандинавского ученого и пастуха из Калабрии. Но все-таки мы — единство, нас связывают история и невидимая нить всеобщей мечты.

Пятьсот лет назад жестокие и мужественные искатели приключений высадились на эти берега, в одной руке у них был меч, в другой крест, и целью их были грабеж и завоевание. Они явились из Испании и Португалии и увидели перед собой восхитительный мир, в котором города были чище убраны и лучше спланированы, чем в Европе, в котором было множество культур, языков и королей, более могущественных, чем императоры Рима и Византии. Чужеземцы прокладывали свой путь сквозь густые первобытные леса, куда месяцами не проникал свет солнца; они плыли по прозрачным озерам, на дне которых стояли затонувшие дворцы; они сплевывали кровь в разреженном воздухе высочайших гор.

Гонимые неутолимой жадностью, они преодолевали мучительные пустыни. Они блуждали между адом и раем; ослепленные, с пошатнувшимся рассудком, они верили, что видят деревни из чистого золота и людей с одним глазом посредине лица. У них не было слов, чтобы назвать то, что их окружало, и они выдумывали новые слова, продираясь вперед и вперед и оставляя за собой смерть и ужас. Так они набивали сокровищами свои мешки. А когда они наконец решали, что пришло время возвращаться назад, то оказывалось, что многие из них сделались как одержимые: они не могли повернуть назад. Тогда они стягивали свои сапоги, обнимали темнокожих туземных женщин со сладкими глазами и зачинали род мечтателей.

Они начали грабеж и эксплуатацию, от которых мы страдаем до сих пор, они дали нам свои иберийские языки, свою культуру и религию, и в наследство они оставили нам классовую ненависть, произвол и анархию. Все это во многом определило нашу судьбу.

Потом пришли все остальные: английские, голландские и французские колонизаторы, оседавшие по берегам Карибского моря, они привезли африканских рабов, а в XIX веке появились переселенцы отовсюду, с их языками, обычаями и суевериями. Природа усыновила и этих людей; они тоже не вернулись назад. Они пустили корни, а их потомки — мы, сегодняшние латиноамериканцы,— все имеем души метисов.

Но смешанная кровь не породила в нас сознания равенства. Мы разделены кастами и иерархиями, которые основаны не только на богатстве и образовании, но и на цвете кожи. Почти во всех наших странах, даже в тех, что гордятся, будто преодолели расизм, общество подобно слоеному пирогу: сверху белые, в середине метисы и внизу индейцы и черные. Эти народы оказались отброшенными вниз в столкновении культур, и они живут, ввергнутые в замешательство, постигнутые безмерным страданием и неизлечимой тоской.

Проспекты туристских фирм показывают нас улыбающимися и беззаботными, готовыми постоянно праздновать и карнавалить. Но выброшенные из прогресса индейцы, эксплуатируемые горняки и сельскохозяйственные рабочие, обнищавший «средний» класс в больших городах — у всех этих людей мало оснований для веселья. Они живут не на тех счастливых просторах, которыми дурачит туристов реклама. И хотя условия выживания так невероятно убоги, все же у нас есть человеческие ценности, которые помогают нам выстоять.

Насилию не удалось отнять у нас широту души, оно забрало у нас только лишь небольшую часть нашей доверчивости. Неуверенность сопровождает нас на каждом шагу, в противовес ей мы сплели подстраховочную сетку отношений и взлелеяли несколько добродетелей: семья, друзья, обычай, гостеприимство, любовь, терпение, мужество и солидарность. Сумма этих качеств дает нам силу и делает нас «симпатичными» в глазах иностранцев. Мы часть длинной, состоящей из многих звеньев цепи, внутри которой мы помогаем друг другу и которая составляет нашу единственную защиту.

Нельзя выжить в одиночку там, где природа агрессивна и общество несправедливо. И даже мертвые у нас не остаются одни, они скачут дальше вместе с живыми.

Пытаясь найти ответы под гнетом стольких проблем, мы, латиноамериканцы, часто обращаемся к сверхъестественным силам. Боги Африки, прибывшие вместе с черными рабами, приняли имена католических святых и нарядились в перья индейских божеств. В плавильном тигле войн перемешались религии, мифы, легенды и предрассудки, и из всего этого возникла та склонность к фантастическому, названная в литературе «магическим реализмом», которая влияет на жизнь одних или дремлет в жизни других, но так или иначе воздействует на нас всех.

Тот же самый человек, что работает с лазерным лучом, зажигает свечу перед алтарем девы Марии. Или даже ищет ведьму, чтобы она вычитала ему будущее из колец табачного дыма: он чувствует — одного разума не хватает, чтобы понять хаотичную и странную реальность. Мы мечтаем о быстром обогащении, отдаемся азартным играм и лотереям, все время разыскиваем спрятанные сокровища, золотые жилы или нефть.

Оппортунизм, импровизация, приключения — вот наши лозунги. Мы редко полагаемся на старание и труд. Вместо этого мы отдаем будущее в руки судьбе. Мы находим равновесие, идя по узкой тропе сумасбродства. Достоверность — здесь это ничто ни для кого. Нас гонят духи земли и силы души, нас мучают наши видения. Каждый шаг доказывает нам, что время и пространство лживы, что есть много наслаивающихся друг на друга правд.

Мы страдаем от чего-то, что похоже на длительную галлюцинацию, она держит нас в последнем ряду научного и технического прогресса, но зато дает нашему существованию измерение чуда. Трудно понять этот голод на

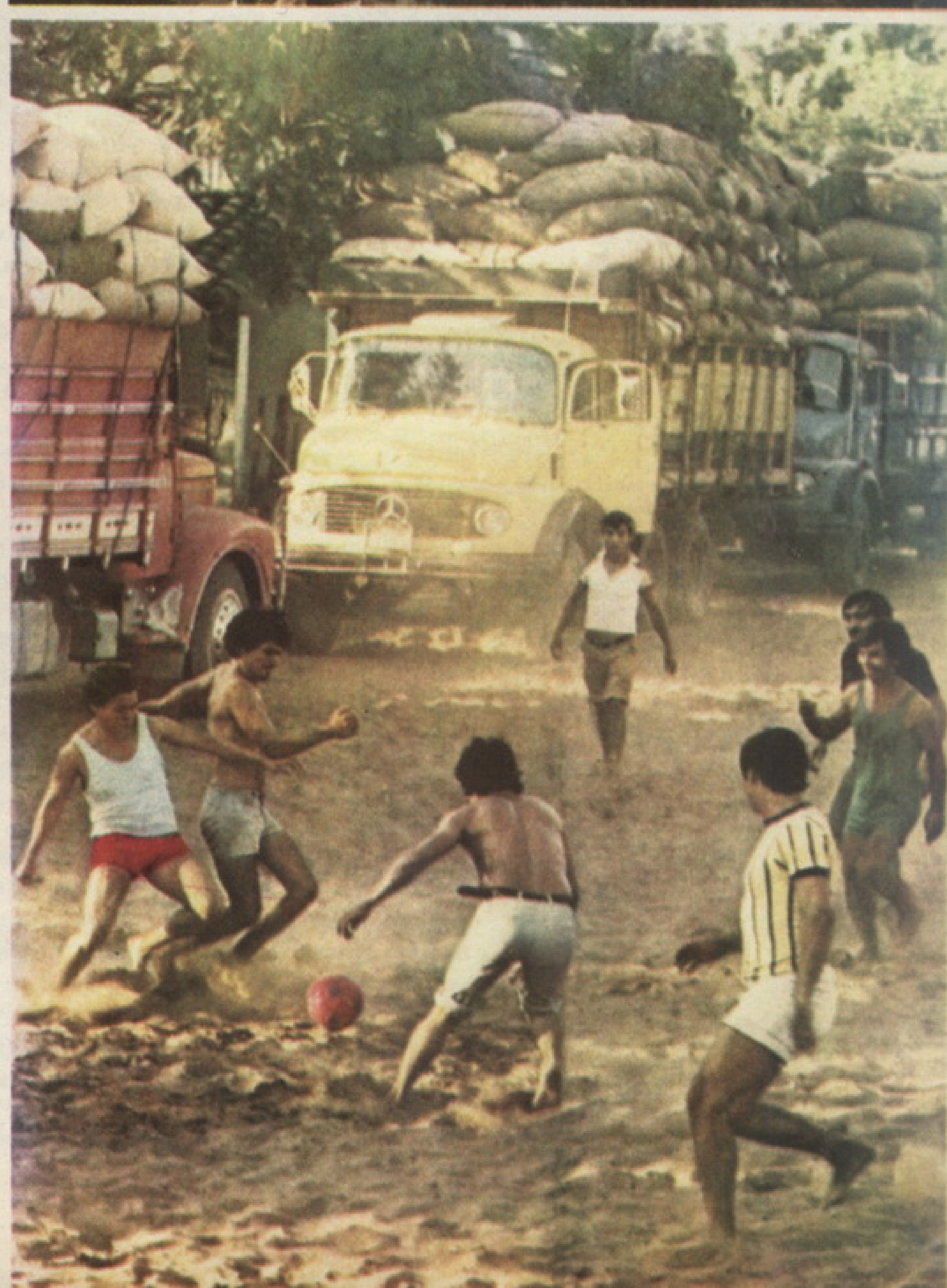
Изабель Альенде — племянница Сальвадора Альенде, президента Чили (1970—1973 гг.), убитого во время военно-фашистского переворота.

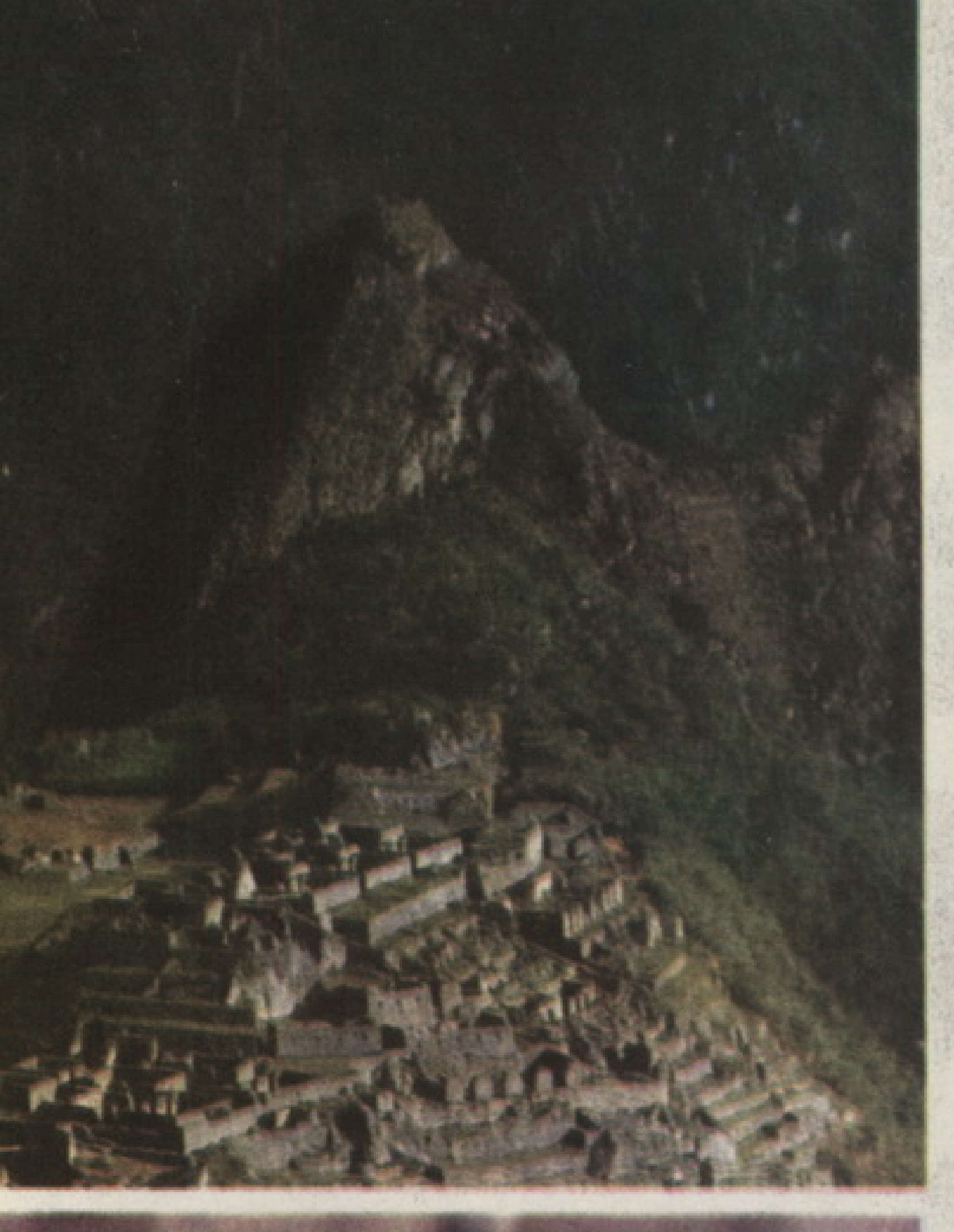

чудеса на континенте, где парадоксальным образом человеческое кажется не имеющим ни малейшей цены. Но трудно понять и то, что, несмотря на множество страданий, эта земля — земля добрых людей, чьи дома открыты для чужаков, где делят пищу друг с другом и где дружба есть дело чести.

Но магия, как бы она ни была полезна литературе, мало помогает в каждодневной жизни. Нашим странам нужны реалистические решения — и как можно скорее. Мы, в Латинской Америке, ищем самих себя — на географических картах мы отмечаем нашу бедность, зависимость и невежество и пытаемся создать порядок в хаосе ко-

раблекрушения, в которое нас ввергла история. Только сейчас мы начинаем составлять новый счет того, что у нас забрали старые и новые колонизаторы.

У нас происходит величайший демографический взрыв, а уровень жизни один из самых низких на земле; население наполовину состоит из неграмотных; есть области, где голод заставляет людей продавать себя в рабство; детская смертность у нас так высока, как в Европе век назад; две трети женщин живут в унижающих человеческое достоинство условиях — жертвы не только нужды, но и созданной мужчинами культуры, которая угнетает женщину от рождения до смерти. Социальное неравенство ведет к тому, что самое экстравагантное богатство на свете тщеславится за счет большинства, которое существует в невероятной нужде — это создает питательную среду для насилия.

Добавим сюда же плохие коммуникации, угнетающую бюрократию, коррупцию почти на всех уровнях, бездарность власти и постоянную опасность милитаризма. Есть страны, в которых убийство и пытка признаны по закону, индейские общины заброшены в доколумбовы времена и истребляются в вызывающем ужас геноциде. Города, где преступление стало нормой и где за стопку ассигнаций можно нанять убийцу, чтобы убить судью. Мы очень малого ждем от наших правительств, мы не верим в право или в закон и едва знакомы со свободой.

Но, несмотря на это безрадостное положение, Латинская Америка творит надежду. В регионе патриархов, каудильо и достойных омерзения тиранов мы избавились почти ото всех диктатур. Демократии держатся в неустойчивом равновесии, они находятся в зависимости и под угрозой, но народы защищают их, те самые народы, которые так много страдали и не желают больше повторять ошибки прошлого.

Это молодые народы, еще не подверженные усталости и безразличию. Они готовы перестраивать неработоспособные социальные структуры и несправедливые отношения зависимости, потому что для них нет иного пути из застоя. Появились способные политики, возникают важные союзы, проводятся глубокие реформы, даже революции — не только в области политики, но и в культурной и религиозной.

Правда, нам не удалось осуществить латиноамериканский союз, за который выступал Симон Боливар в ранние годы независимости. Отсталость Латинской Америки — последствие не только империалистической эксплуатации и унаследованного неподходящего для нас политического и экономического мировоззрения. Дело еще в отсутствии у нас широкого кругозора, в нашем национализме — он затрудняет сотрудничество между странами.

Столетиями мы жили замкнуто, в малых общностях, племенами, деревнями, провинциями и позднее республиками, чьи вожди потеряли из виду общую судьбу континента. Все мы в прошлом вынесли одно несчастье, но мы не объединили силы, чтобы найти решение и совместно противостоять общим врагам. Мы не отменили границ, которые воздвигли между нами конквистадоры, чтобы покорить нас. Сотрудничали только полицейские аппараты и репрессивные органы.

Но и тут положение начинает меняться. Жестокость диктатур заставила тысячи людей покинуть дом и создала эру изгнанных, эмигрантов и беженцев. Массы людей передвигались из одной страны в другую, и, вопреки разделяющей политике правительства, происходила культурная интеграция народов. Сейчас впервые многие говорят о себе: я — латиноамериканец. Многие ставят это выше, чем национальность. Новые правительства должны осознать, что у сотрудничества есть только одна альтернатива — упадок. Перед нами стоят проблемы, которые мы можем одолеть лишь вместе — угроза интервенции из Северной Америки, терроризм, торговля наркотиками и абсурдный государственный долг, чей размер не способны представить себе даже астрономы.

Я родился здесь, в Латинской Америке, и здесь я надеюсь умереть. Я знаю эту землю, я прошагала ее во всех направлениях, я ношу ее в себе, она жива в каждой строке, которую я пишу. У меня нет желания жить где-нибудь еще. Я люблю эту латиноамериканскую землю, и потому я страдаю вместе с ней.

Я все-таки оптимист, я верю, что мы стоим на пороге новых времен. Час пробил: род мечтателей должен проснуться и использовать силу своей фантазии на пользу делу, для того, чтобы создать новое, достойное нас общество. Модели, которые навязаны нам, или те, которые мы пытаемся копировать, не подходят.

Я верю в то, что мы способны свершить это, потому что все возможно в Латинской Америке, даже невероятное: Ремедиос Прекрасная[1] едет на небо на своей простыне из брабантского полотна.

Перевел А. АНИН

[1] *Персонаж романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества».— Прим. ред.*

ЖИЗНЬ НА ФИНИСТЕРСКОЙ КОСЕ

Делин ПИНЕЛЬ,
французская журналистка

Семь часов утра, туман, моросящий дождь на шоссе, зажатом между серыми домишками и почти черной зеленью живых изгородей. Финистерская коса, верная своей дождливой репутации, высокомерно презирает август месяц и спокойно тянется под прохудившимся небом. Поворот, криво прибитый указатель: «Летний центр». Нет, показавшееся за поворотом заведение ничем не выделяется из дождливого пейзажа: полсотни яблонек, три блочных строения, голубые палатки. Доносятся первые живые звуки: позвякивает посуда. Пахнет кофе. Сонные фигуры — толстые свитеры наспех натянуты поверх пижам — расставляют на столах пластиковые тарелки. После трех недель на свежем воздухе рано вставать поутру — проблема для любого воспитателя любого летнего лагеря в мире.

Но этим сходство со всеми летними лагерями отдыха исчерпывается. Из палаток появляются обитатели лагеря, и тут непрошеного гостя ждет, не знаю, как назвать, шок? Алина выезжает в кресле-каталке на посыпанную песком дорожку: сосредоточенное лицо, застывшее маленькое тельце в корсете. У Дени сухие, как веточки, руки и ноги. Паскаль не может контролировать свои движения...

От появления чудом пробившегося сквозь тучи солнца возникает ощущение нереальности: ты приземлился не на ту планету, и первое желание — скорее в мир, где ходят, без усилий, где ты такой же, как все.

Но если первое впечатление не заставляло вас немедленно бежать прочь, обитатели этой планеты уже не оставят вам времени копаться в своих ощущениях. Невозможно стоять сложа руки, когда со всех сторон сыплются просьбы: «Ты не поможешь мне выпить чай?», «Мухи пристали, отгони, пожалуйста», «Ты не вытрешь мне пижаму?» Здесь все срочно. Абсолютная просьба. Она накоротко замыкает искушение жалостью и смущением. Этим людям постоянно нужен самый прямой, какой только может быть, контакт с другим человеком.

Сегодня здесь банный день. В обла-

Опыт друзей

Волнующий рассказ о работе французских студентов в Летнем центре отдыха на побережье Атлантики мы решили поместить под рубрикой «Опыт друзей» не случайно. Высокая нравственная цена этого опыта свидетельствует о духовной близости нам молодых французов, преданных идеалам гуманизма, человечности, взаимовыручки и активного сочувствия. Но не только. Опыт французских студентов может служить примером, достойным подражания. Такой опыт дорог всем, он сближает и обогащает молодые поколения разных стран, учит находить благородные цели для применения своей энергии и сил.

ках пара хлопочут Сильвэн и Анн, они дежурят в душе: нужно передвинуть каталки, подготовить чистое белье, помочь одеть плавки и купальники, а потом — с тысячью предосторожностей — отнести эти маленькие совсем белые тела, изломанные природой и исполосованные длинными бесполезными шрамами, под парящий душ... Здесь больше, чем обычно, открыта взглядам их болезнь и больше, чем всегда, скрыта необходимостью действовать, просьбами, на которые не скажешь «нет». Здесь ты либо погружаешься в этот мир, либо уходишь навсегда. И чтобы выдержать свое первое погружение, надо быстрее забыть о том, что нас разделяет, и о жалости.

Конечно, воспитатели Летнего центра, такие же молодые ребята, как и все его обитатели, приехали сюда, зная, что им придется делать. Многие работали здесь в прошлом году. Жан-Франсуа, самый опытный, здесь третий год. Он студент последнего курса медицинского факультета и руководит центром.

Этот летний лагерь не такой, как все остальные, входящие в Национальную ассоциацию парализованных. Сорок больных от 16 до 20 лет, сорок воспитателей того же возраста. И главное — здесь не делят людей на больных и здоровых. Жан-Франсуа считает, что только так можно высвободить сознание человека из пут болезни. И поэтому он начал с перераспределения ролей. Среди воспитателей заметишь паренька, переболевшего полиомиелитом, и второго — тяжело пострадавшего в автомобильной катастрофе. И еще. Сюда, на Финистерскую косу, перебрались на лето двадцать ребят из двух парижских лицеев; они пока не на полных правах, не допущены до хозяйственных дел, участвуют только в «мероприятиях».

«Мероприятия» — это, помимо всего, еще и плавание, прогулки на пони, парусные лодки! Жан-Франсуа настаивает, чтобы ребята-воспитатели тоже принимали участие в программе центра: «Мы все здесь с единственной целью — преодолеть барьеры устоявшихся взглядов на жизнь. Мы не собираемся жертвовать чем бы то ни было. И потом, многим ли даже здоровым ребятам доводилось поплавать под парусом? А на хорошей волне все равны».

Удержать руль на волне — значит уже выйти из бережного мира Летнего центра в «нормальный» мир. «Я никак не могу привыкнуть,— улыбается Сандрина, устроившаяся в своей коляске на террасе кафе. Весь год она живет в специальном санатории и раньше проводила лето там же.— Нас там выносили на солнышко и заставляли рисовать». Здоровый мир ее пугает. «Самое худшее? Вопросы детей, такие жестокие. Наверное, родители должны им запретить задавать нам вопросы или объяснить...» Антуан, напротив, предпочитает, чтобы люди не скрывали своего смущения, пусть лучше прямо спрашивают, отчего так...

Для Аделины окунуться в здоровый мир значит острее почувствовать свою неполноценность.

Она плакала после прогулки в соседний городок, горько и безнадежно, потому что хочет ходить. Из обычной для нее сдержанности вдруг прорвалось настоящее отчаяние. Даже Мартэн, который учится в «нормальном» лицее, сторонится слишком настойчивых взглядов. «Я родился без рук, но почти все научился делать ногами и уже не завидую людям. Но вот в ресторан не пойду, пялиться будут».

Трудное противоборство.

На пляже, довольно далеко от лагеря, семьи отпускников, чинно распределившиеся между ловлей креветок и песчаными зáмками, вздрагивают. Колонна инвалидных колясок, катящих по пляжу, действительно непривычное зрелище. Рты удивленно открываются, сникают взгляды. Но это еще не все. Когда Рафик отстегнул ноги (протезы в джинсах и кедах) и запустил ими в Ива, а тот взгромоздил их верхом себе на плечи, отпускники почти потеряли сознание. Происходящее настолько нереально, что после паузы пляж грохает от смеха, одерживая победу над смущением.

Подобное непрочное равновесие, опущенный при встрече взгляд, избегающий твоих глаз,— привычный мир этих ребят. Хотя большинство отпускников, отдыхавших в тот раз на Финистерской косе, сказали, что считают «нормальным», что «их» вывозят, устраивают «им» каникулы... Их. Им.

Но терпимость тоже имеет границы. Только один раз какая-то семья на пляже предложила ребятам сесть с ними за домино. Остальные признаются, что им неловко: «Кто знает, как к ним подступиться», «Наверняка эти ребята предпочитают быть среди своих», «Если бы мы подошли к ним поговорить, они бы восприняли это как нездоровое любопытство. И потом, о чем нам говорить?»...

И как правило, такой «постскриптум»: «Вообще, те ребята, что с ними занимаются, молодцы! Для этого нужно быть мужественным и преданным своему делу».

От такого признания «заслуг» и «тех ребят» мороз пробегает по коже. «Кто так говорит, ни черта не понял! Они думают, что мы, мол, жертвуем собой, что нам тут не в радость,— вспыхивает Каторина.— В конечном счете, это еще один способ заставить больных замкнуться в своей болезни».

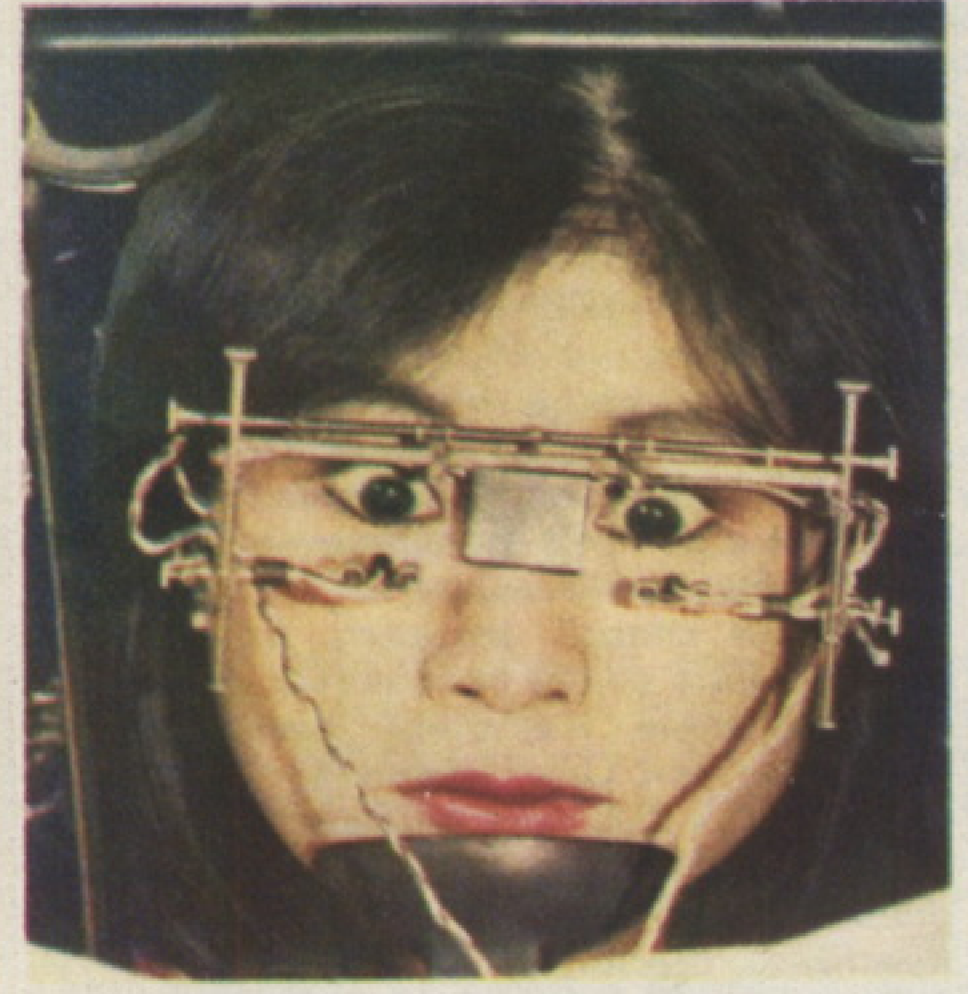
Возмущение Каторины разделяют все ее коллеги. Опыт изменил их взгляды не только на мир «больной», но и на мир «здоровый». Они как будто перешли в другой «лагерь», и испуганные глаза, стеснительный шепот в спину кажутся им невыносимыми. Щедрость души — ее слишком часто путают с наивной, глуповатой любезностью — не то качество, которое легко защищать.

Выходит, что раскованность воспитателей, их непринужденность остаются загадкой для посторонних. Эти ребята спокойно идут по миру, в котором нет меры. Нет меры нежности: только за взгляд Лоран с невероятной силой сгребет вас в объятья, в которых можно задохнуться. Нет меры отчаянию: когда Мадлена падает духом, она плачет, и эти слезы невозможно сдержать.

«На вторые сутки привыкаешь,— утверждает Филипп.— Если хочешь быть утром в порядке, ночью нужно спать, а не рыдать. И потом, за каждой болезнью открываешь человека, чувства, достоинства и недостатки. Если бы мы жили ощущением, что попали в средоточие несчастий, мы бы не могли отказать таким больным, как наши ребята, ни в чем. А мне случается говорить «нет» слишком настырным. Потому что назвать каприз капризом — это признать человека, не делая скидок на болезнь».

У каждого из ребят-воспитателей свой особый взгляд на то, что дает им жизнь бок о бок с больными. «Эти отношения по-настоящему обязывают,— подчеркивает Сильвэн.— Странная улыбка Паскаля значит для меня больше, чем чистенький поцелуйчик какой-нибудь блондинки из «нормального» летнего лагеря. И потом общение нужно одинаково и нам, и им. Например, общение с Ноэлем, у него врожденное нарушение двигательных функций мозга. Ноэль передвигается на каталке и не может говорить. Но у него отличная голова! Он общается с людьми с помощью книжки с картинками: я переворачиваю страницы, а он делает мне знак, на каком рисунке остановиться. Эти «диалоги» немного не от мира сего. Но когда мне удается приподнять край завесы, отделяющей меня от Ноэля, пробиться к нему, мне открывается другой человеческий мир».

Перевел с французского С. КОЗИЦКИЙ

БЫСТРЫЙ ГЛАЗ. Перед вами — одна из студенток японской Ассоциации быстрого чтения. Курсы ассоциации работают с 1985 года, посещают их менеджеры, журналисты, студенты. Уже через несколько месяцев они начинают читать в 60—70 раз быстрее обычного. Слушатели курсов обучаются специальной технике: глаза, не скользя по строчкам, словно фотографируют целые страницы, которые затем как бы «проявляются» в памяти. Пока неясно, пригодна ли новая система для неиероглифического письма, однако уже сейчас очевидно, что она применима для получения информации в уже известной области знаний, но никак не для чтения художественной литературы.

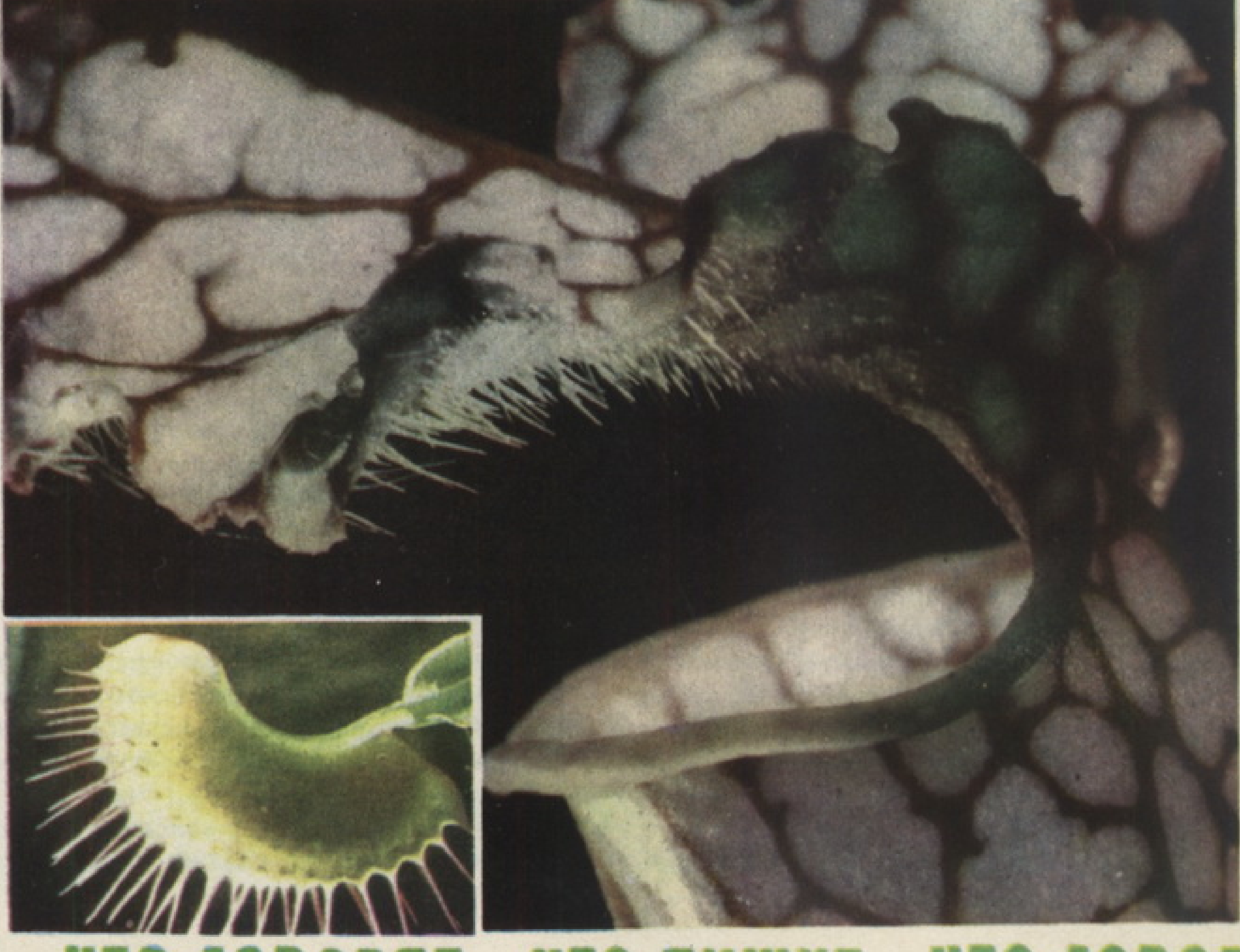

ДЭВИД БОУИ В СОРОК ЛЕТ. «Кто вы сейчас прежде всего? Музыкант, актер, художник?» — спросили знаменитого английского рок-музыканта, актера, художника итальянские репортеры. «Я все еще и с каждым годом сильнее верю в рок-музыку, хотя сам больше люблю Вагнера и Стравинского, а из современных «серьезных» композиторов — Филипа Гласса. (Читайте о нем в этом номере «Ровесника» на стр. 28.— *Ред.*) Но очень тянет к режиссуре... Мечтаю снять правдивый фильм о жизни рабочих в моем родном квартале Лондона, Брикстоне. А еще мы вместе с Миком Джеггером собираемся сниматься в новой версии фильма «В джазе только девушки» — будем играть те роли, что были у Тони Кертиса и Джека Леммона. Кто будет Мерилин Монро? Пока неизвестно. Может быть, Мадонна».

ВЫ СПРАШИВАЛИ, ЧТО ДЕЛАЕТ АМАНДА ЛИР... «Однажды в нашу дверь постучал человек с гитарой в руке. Это был только что прибывший из Нью-Йорка Джими Хендрикс. Он прожил у нас несколько дней. Вскоре Джими не стало...» Это строчки из книги воспоминаний художницы, певицы, а теперь еще и писательницы. В 1965 году Аманда Лир (тогда еще манекенщица) начала учиться живописи, друзья познакомили ее с музыкантами из «Роллинг стоунз»: семнадцатилетняя девушка стала свидетелем духовной жизни художников, музыкантов, нового театра, новых кинематографических открытий конца шестидесятых. Главной фигурой в жизни Аманды Лир был ее учитель и друг, испанский художник Сальвадор Дали. Ему она и посвящает свою книгу, над которой недавно завершила работу.

ЦВЕТОК ПО ИМЕНИ «АМ!». Еще лет сто назад в газетах нет-нет да и появлялись леденящие душу сообщения об очередной жертве дерева-людоеда. Деревьев-людоедов на Земле все-таки нет, однако насчитывается около 450 видов хищных растений. Одни привлекают своим запахом насекомых и заманивают в ловушку из лепестков, другие действуют по принципу липучки, третьи «захлопываются» как капкан в ответ на механическое раздражение. Все они снабжены сложной «химической лабораторией» и, если попытаться подсунуть им что-нибудь несъедобное, быстро «раскрывают» обман. (Итальянские ученые провели эксперимент: одному из «плотоядных» растений предложили на выбор кусочек сыра и колпачок от авторучки. Сыр был принят, колпачок гневно отвергнут.) Подобные растения встречаются не только в дальних краях — и у нас можно наблюдать за причудами росянки и пузырчатки...

«ОТЧАЯНЬЕ ВОЛЫНЩИКА». Так называется учебное пособие для тех, кто мечтает научиться играть на настоящей ирландской волынке. Пособие начинается словами: «Чтобы стать настоящим волынщиком, надо семь лет слушать, семь лет учиться и семь лет играть». Правда, Тимоти Бриттон, которого вы видите на снимке, преодолел этот путь всего лишь за пятнадцать лет. Но на то он и Бриттон — лучший ирландский волынщик США, который каждые три года проводит семинар для всех американских ирландских волынщиков (числом двадцать). Ирландская волынка, сестра шотландской, куда менее известна, хотя и более мелодична, более нежна — и более норовиста.

«КТО МЕНЯ ЗНАЕТ!» «Мы вступили в эру подозрительности,— уверяет читателей журнала «Фигаро» французский журналист Филипп Бувар.— Каждый раз и в любом учреждении швейцар, не скрывая неприязни, спрашивает, что мне здесь надо. Я понимаю, что это пустяки в сравнении с классическим вопросом иммиграционных служб США «Имеете ли вы намерение убить президента!», но зачем, требуя мои документы, полицейский заставляет меня еще и называть девичью фамилию моей матери!»

И действительно, почему страж дорог к штрафу за стоянку автомобиля в неположенном месте стремится приплюсовать свои мелкие радости! «Видя, что я спешу,— пишет Бувар,— он требует по очереди права, страховой полис, техпаспорт... Когда я уже сажусь в машину, он обнаруживает, что один из моих документов — ксерокопия. Ему нужен оригинал. И я должен объяснять, что у меня дважды в год крадут машину, я снимаю копии, чтобы потом доказать страховщикам, что машина у меня была». И Бувар, и многие французы согласны с тем, что нынешний разгул терроризма побуждает к бдительности. «Но почему из-за одного вора или преступника надо подозревать в воровстве тысячу честных людей! Разве бдительность повод для грубости. Или же это — возможность потешить тщеславие швейцаров, секретарш и прочих мелких служак».

ТРУДНО БЫТЬ ХЕМИНГУЭЕМ... Хемингуэй снова путешествует по миру. В апреле его можно было видеть в Венеции, в мае — в Париже, в июне — в Мадриде и Памплоне. Что он делает! О, все то же. Вся его жизнь— жизнь писателя, солдата, репортера, охотника — повторяется вновь. В Париже ранним утром он ловит голубей и продает владельцам кафе. Надо же как-то зарабатывать на жизнь, прежде чем придет время больших гонораров! В Испании он друг матадоров, в Африке гроза львов. И вот он уже большой писатель, известный всей Европе, он уже автор романов «Прощай, оружие!» и «Фиеста». Каждый день он стоит у конторки за своей машинкой марки «Корона» и «делает» норму: 500 слов. Но нам не прочесть новой прозы Хемингуэя — вся она написана уже раз и навсегда, уже издана миллионными тиражами, уже стала классикой. А все, что мы видим,— только кино. Кино, которое снимает западногерманский режиссер Бернхард Зинкель. В роли Хемингуэя — американский актер Стейс Кич.

АВТОР «ТРЕХ МУШКЕТЕРОВ» ОБ АВТОРЕ «ТАЙНОЙ ВЕЧЕРИ»

Александр ДЮМА

Лодовико-Мария Сфорца [1] по прозванию Мавр рассчитывал покровительством изящным искусствам затмить свою политику, вполне достойную тирана. В 1496 году или около того он заказал Леонардо да Винчи картину «Трапеза», известную ныне как «Тайная вечеря».

Первоначальным замыслом Леонардо было написать картину маслом, новым тогда методом, привезенным в Италию из Германии. Дело в том, что художник, пишущий маслом, может в случае нужды внести необходимые исправления. Леонардо сам изготовил не только масло особого состава, но и специальное грунтовочное покрытие, на которое должна была лечь краска. Заботу по подготовке зала трапезной монастыря Санта-Мария делле Грацие, а также все расходы Лодовико Сфорца возложил на тамошнего архитектора. Выделенная сумма была мизерна, о чем свидетельствует предписание самого герцога: «Всего за работу в трапезной с одним окном, где пишет Леонардо апостолов, лир 37 и 16 сольди».

Теперь, когда и краски, и покрытие были готовы, Леонардо начал обдумывать замысел картины.

Было бы небезынтересным узнать, как Леонардо создавал свои картины и с чего, в частности, он начал работу над этим шедевром. В отрывке, который в 1554 году опубликовал Джованни Баттиста Джиральди [2], мы читаем:

«Драматический поэт должен следовать примеру знаменитого Леонардо да Винчи. Этот великий художник, когда ему надо было ввести какой-нибудь персонаж в одну из своих картин, прежде всего допытывался о его свойствах у себя самого: должен ли он иметь благородный вид или низкий; быть веселого нрава или сурового, в тревожном настроении или спокойном; стар он или молод, справедлив или зол. Ответив после долгих размышлений на эти вопросы, художник отправлялся в места, где обычно собирались люди подобного характера. Он внимательно наблюдал их привычные движения, выражение лиц, манеру держать себя; и всякий раз, как находил малейшую черту, которая могла бы ему пригодиться для картины, зарисовывал ее в книжке, которую всегда носил при себе. И только после множества таких прогулок, удостоверившись, что собранного материала достаточно, он наконец брался за кисть.

Когда Леонардо закончил Христа и одиннадцать апостолов, у Иуды головы все еще не было и работа вовсе не подвигалась. Настоятель, которому надоело видеть трапезную загроможденной всеми принадлежностями работы живописца, пожаловался герцогу Лодовико. Герцог призвал художника к себе и сказал ему, что его удивляет такая медлительность в работе. Винчи ответил, что он, в свою очередь, удивлен словами его светлости, потому что в действительности дело обстоит так, что не проходит и дня, чтобы он не проводил полных двух часов в работе над картиной.

Когда монахи вторично явились с жалобами, герцог передал им ответ Леонардо. «Государь,— возразил ему аббат,— остается дописать одну только голову — у Иуды; но вот прошло уже больше года, как он не только не притронулся к картине, но даже ни разу не явился взглянуть на

нее». Разгневанный герцог приказывает снова позвать Леонардо. «Да разве монахи смыслят что-нибудь в живописи? — отвечал ему тот.— Они правы, я давно уже не заглядывал к ним в монастырь, но они ошибаются, утверждая, что я не затрачиваю ежедневно по меньшей мере двух часов на эту работу».— «Как тебе это удается? — спросил герцог.— Если ты даже не заходишь туда?» — «Да будет известно вашей светлости, что мне осталось написать только голову Иуды, этого отъявленного, известного всему свету негодяя. Нужно ведь придать ему выражение лица, которое вполне соответствовало бы его подлости; вот почему я уже целый год, а может быть, и больше, каждый день, утром и вечером, отправляюсь в Боргетто, где, как известно вашей светлости, проживает весь сброд вашей столицы; но я не мог еще отыскать злодея, лицо которого отвечало бы моему замыслу. Как только я найду такое лицо, я в один день закончу картину. Но если поиски мои будут напрасны, я возьму черты самого настоятеля, который приходит сюда жаловаться на меня вашей светлости и лицо которого, кстати сказать, вполне соответствует моей цели. Только я все не решался выставить его в смешном виде в его собственном монастыре».

Услышав это, герцог расхохотался, а спустя несколько дней Леонардо повстречал человека с физиономией как раз такой, какую он искал, и тут же на месте зарисовал ее черты, которые, будучи присоединены к тому, что он успел собрать за год, позволили быстро закончить фреску».

Если верить Джованни Паоло Ломаццо[3], оставившему после себя один из самых замечательных трактатов о живописи, не только голова Иуды сильно волновала Леонардо; лик Христа, которому необходимо было придать столько же нежности, возвышенности и божественности, сколько низости образу предателя, занимал его нисколько не меньше, а пожалуй, что и больше. С позволения читателя мы приведем здесь отрывок из трактата:

«Леонардо да Винчи придал столько красоты и величия Иакову Старшему и его брату, что, приступив затем к фигуре Иисуса Христа, он не мог уже возвысить ее до той степени дивной красоты, которая казалась ему нужной. После долгих усилий он попросил совета у своего друга Бернардо Ценале, который ему ответил: «О Леонардо! Последствия допущенной тобою ошибки таковы, что исправить их может лишь один бог, ибо не в твоей власти, как и не во власти кого-либо из смертных, придать изображению больше красоты и божественности, чем ты придал головам святого Иакова и его брата. Поэтому оставь Христа незаконченным, ибо ты никогда не сделаешь так, чтобы он казался Христом рядом с этими двумя апостолами».

И Леонардо последовал его совету, как можно убедиться в этом еще и сейчас, хоть картина совсем уже разрушилась...»

Эти строки Ломаццо написал около 1560 года, то есть спустя шестьдесят два года после завершения картины «Тайная вечеря».

Если отнестись с доверием к Маттео Банделло[4], то на протяжении всего времени работы над картиной последняя была предметом неустанной заботы художника. Послушайте, что достопочтенный епископ пишет в своей пятьдесят восьмой новелле:

«Леонардо да Винчи заканчивал тогда свою чудесную картину, изображающую «Тайную вечерю». Он часто приходил на заре в монастырь делле Грацие; я это видел собственными глазами. Он взбегал на свои помостки, там, позабыв все на свете вплоть до пищи, он не выпускал из рук кисти с восхода солнца до того часа, когда глубокий мрак делал совершенно уже невозможным продолжение работы. А иной раз он три-четыре дня не прикасался к ней и лишь заходил на часдругой, чтобы, скрестив руки на груди, углубиться в созерцание своих фигур, по-видимому, критикуя их про себя. Видел я также, как в жаркий полдень, когда солнце, достигнув зенита, превращает улицы Милана в пустыню, он выходил из цитадели и направлялся в монастырь кратчайшим путем, не обращая внимания на солнце, и там, торопливо сделав один-два мазка кистью, тотчас же удалялся».

Вот почему, когда в 1498 году работа над этим значительным произведением была завершена и Леонардо предоставил фреску для всеобщего обозрения, то впечатление, произведенное ею, было таким, какое, несмотря на все описания, невозможно даже себе представить.

Что же касается Леонардо да Винчи, то Лодовико Сфорца, очарованный совершенством его творения, кроме обещанной денежной суммы, которую выплатил сполна, пожаловал ему в дар то, что в Италии принято называть виноградной плантацией: небольшой участок земли, приносящий около ста экю дохода...

А сейчас мы расскажем, как был уничтожен шедевр трапезной в Санта-Мария делле Грацие. С позволения читателя, здесь мы прибегнем к помощи Стендаля:

«Когда в 1515 году король Франциск I вступил в Милан, «Тайная вечеря» была во всем своем блеске, и он задумал перевезти ее во Францию. Но уже в 1540 году, то есть спустя всего лишь двадцать один год после смерти ее создателя, Арменини[5] сообщает, что она уже наполовину погибла: Ломаццо в 1560 году уверяет, что краски исчезли быстро и что, поскольку оставались лишь контуры, любоваться можно было только рисунком...»

В 1524 году, утверждает монах-картезианец Санез, от фрески уже почти ничего не осталось; в 1652 году пресвятые отцы-доминиканцы, найдя вход в трапезную неудобным, без всякого зазрения совести отпилили ноги у Спасителя и у соседних с ним апостолов, чтобы расширить дверь, ведущую в столь чтимое место; до сих пор сохранились следы от ударов молотка, наносившиеся по покрытию, которое уже повсюду отошло от стены! Убрав нижнюю часть картины, монахи приколотили в верхней ее части императорский герб, который был настолько велик, что опускался на голову Христа.

Варварское отношение, которое люди эти проявили к шедевру Леонардо, было сродни их духовному безразличию: в 1726 году они приняли роковое решение, поручив некоему Беллоти, бездарю, якобы знавшему какой-то секрет, отреставрировать картину; и тот сколотил закрытый со всех сторон навес и, спрятавшись за ним, осмелился на свой лад переиначить творение да Винчи; затем он показал ее глупым монахам, которые, в свою очередь, восхитились его великими возможностями вдыхать жизнь в краски.

Из всей этой печальной истории забавным остается только тот факт, что знатоки живописи продолжали расхваливать тонкую и изящную работу кисти Леонардо, от которой в действительности почти ничего не осталось.

Что же касается мазни Беллоти, то краски постепенно обесцветились. И в 1770 году было решено отреставрировать картину заново; на сей раз художника выбирали самым тщательным образом и довольно долго; по рекомендации графа де Фирмана, тогдашнего правителя Милана, человека к тому же весьма просвещенного и чьи достоинства не ограничивались только этим, несчастную картину передали в руки некоему М. Мацца, который и завершил ее разрушение: нечестивец, прибегнув к помощи щипцов для камина, посмел соскоблить подлинную роспись Леонардо, а части, которые должны были реставрироваться, замазал одним цветом, чтобы краска лучше ложилась. Мацца оставалось лишь доделать, а вернее сказать, довершить уничтожение голов апостолов Матфея, Фадея и Симона, когда настоятель монастыря, стремившийся любыми правдами и неправдами угодить Его Превосходительству, получил, к сожалению, с опозданием место в Турине. Его преемник, отец Галлони, увидев, чем занимается Мацца, живо прекратил его пачкотню.

В 1796 году картиной да Винчи приехал полюбоваться

[1] *Лодовико-Мария Сфорца (1452—1508) — представитель династии миланских герцогов Сфорца в XV—XVI вв.— Здесь и далее прим. пер.*

[2] *Джиральди Джованни Баттиста (1504—1573) — итальянский писатель.*

[3] *Ломаццо Джованни Паоло (1538 — 1600) — итальянский художник и писатель.*

[4] *Банделло Маттео — итальянский новеллист XVI века, живший во Франции.*

[5] *Арменини Джованни Баттиста — итальянский художник.*

Бонапарт; им был издан приказ, во исполнение которого помещение, где сохранились уцелевшие части фрески, предписывалось освободить от всякого военного имущества; он его даже подписал, стоя на одном колене, перед тем как вскочить в седло. Но позднее некий генерал, имя которого я приводить здесь не буду, нарушил этот приказ, распорядившись снести двери в трапезную, и устроил там конюшню; а его драгуны находили удовольствие в том, что швыряли в головы апостолов куски битого кирпича. После них трапезную монахов-доминиканцев превратили в склад для фуража.

В 1880 году в результате наводнения в запущенный зал хлынули потоки воды, и вывести воду оттуда не представлялось возможным, пока она сама не испарилась. В 1887 году из монастыря сделали казарму.

Сокращенный перевод с французского Игоря АЛЧЕЕВА

ПЯТЬ ВЕКОВ СПУСТЯ

Карло БЕРТЕЛЛИ, хранитель изящных искусств города Милана

Вновь выросли помосты в трапезной отцов-доминиканцев. Сегодня они возведены здесь затем, чтобы спасти, быть может, самое несохранившееся произведение искусства. Последние шесть лет, как хранитель изящных искусств города Милана, я бываю в монастыре Санта-Мария делле Грацие почти каждый день и всякий раз вижу на помосте человека, склонившегося над микроскопом, который в сорок раз увеличивает мазки Леонардо, положенные на эту стену пятьсот лет назад. Только так можно проникнуть сквозь слой грязи, клея и плесени, сквозь множество последующих записей, сделанных старательными реставраторами.

Эти реставраторы по-своему «украсили» шедевр Леонардо. Они затемнили живопись, загубив дерзко положенные яркие краски. Они исказили черты лиц апостолов, уничтожили некоторые детали. Лицо Христа, центр композиции, превратилось в неживую маску. И никто теперь не знает, какими чертами наградил Леонардо Иуду. Словом, реставрация больше похожа на археологические раскопки.

Мне кажется, что в разрушении «Тайной вечери» повинна и природа. Годы, когда Леонардо писал свою фреску, были отмечены исключительно сухими зимами. Известно, что соседние с Миланом Альпы стояли без снега. Поэтому штукатурка, а с ней и красочный слой, высохли и трескались быстрее, чем обычно.

Затем в XVIII веке монахи закрыли фреску занавесом, который открывали только перед посетителями. Занавес впитывал влагу, способствуя распространению сырости, о чем сохранились свидетельства очевидцев. Наконец, в 1943 году рядом с трапезной разорвалась бомба. Каким-то чудом стена, укрытая мешками с песком, не пострадала. Упади бомба метром ближе, шедевр Леонардо, возможно, исчез бы окончательно.

Но процесс разрушения продолжается и в наши дни. Загазованный воздух Милана разъедает и покрывает копотью «Тайную вечерю». На сохранившихся участках красочного слоя нарастает плесень. «Тайная вечеря» Леонардо утрачена для нас навсегда,— считают эксперты,— и лучше уж иметь малую толику подлинного Леонардо, чем такую «Тайную вечерю» целиком».

Когда я впервые увидел фреску, она была столь черной и грязной, что бóльшую часть живописи просто нельзя было разглядеть. До сих пор я прихожу в ужас, когда вспоминаю, что уже в наши дни не было предпринято ничего, чтобы уберечь ее от сырости и копоти. Перепады температуры вызывали новые разрушения. Одно учреждение несло ответственность за красочный слой фрески. Другое — отвечало за стену, третье — за микроклимат в трапезной. Бюрократия ополчилась на искусство. Сколько времени потребовалось, чтобы согласовать со всеми этими учреждениями условия реставрации!

С помощью стереофотограмметрии, которой картографы пользуются для аэрофотосъемки, была получена рельефная карта красочного слоя фрески. Затем ультразвуком исследовали толщину стены в 200 тысячах точках, так удалось уловить изменения толщины в десятую часть миллиметра. Это позволило выделить места, где грунт отслоился и поверхность стены лишена краски.

Теперь с помощью рентгеновских и ультрафиолетовых установок предстоит определить, какие минералы использовал для своих красок Леонардо. Важно знать, пользовался Леонардо голубой или зеленой краской для достижения своего особого эффекта затенения. Это позволит выявить собственно руку Леонардо. Ведь некоторые минералы со времен Леонардо не применялись в красителях.

Несмотря на то что очищено менее трети поверхности «Тайной вечери», уже сделаны несколько поразительных открытий. В натюрморте на столе и в оформлении окружающей фреску стены постепенно появляются невидимые ранее детали. Но самое удивительное то, что сегодня лица апостолов имеют крайне малое сходство с теми, что создал Леонардо.

Нос Симона, оказывается, гораздо короче, чем мы привыкли видеть, и борода не столь велика. У него оказался волевой подбородок, а положение шеи теперь ясно указывает на то, что Симон говорит с Фадеем и Матфеем. До расчистки одежды Симона были приглушенно-коричневого цвета. Теперь они трех цветов — насыщенного красного, розового и снежно-белого. Рот у Матфея был приоткрыт. Матфей дышал. И бороды у него не было. Нос был прямым и по форме ближе к классическому. Губы Матфея были чувственными и красивыми. Образ жил.

Сколько еще придется ждать, прежде чем мы увидим «Тайную вечерю»? На расчистку поверхности размером с почтовую марку требуется не меньше недели. Как ни прискорбно, но значительная поверхность стены, по заключению экспертов, утратила все следы живописи Леонардо. Здесь придется применять бежевую или серую акварель, нейтральный фон, который подчеркнет то, что осталось от живописи великого мастера.

Будущие поколения, возможно, станут спорить, не стоит ли прописать эти «белые пятна», попытаться воспроизвести образы Леонардо. Возможно, когда-нибудь родится человек, способный на такой подвиг. Сегодня важнее то, что наша работа подарит будущим поколениям спасенную от окончательной гибели «Тайную вечерю».

Перевел С. ОЛЮНИН

ИСТОРИЯ
популярной музыки
В ФОТОГРАФИЯХ

РОВЕСНИК

«Писать песни так же легко, как, скажем, взрослому человеку ходить. Но это не относится к хорошим песням».

Боно Вокс, настоящее имя — Пол Хьюисон, вокалист (см. снимок на стр. 24—25 — слева)

«Мы самоучки и не умеем читать ноты. Поэтому приходится объяснять свои идеи словами».

Эдж, настоящее имя — Дэйв Эванс, гитарист (на снимке — справа)

«Мы вполне могли бы заниматься только музыкой, не обращая внимания на окружающий мир. Но в нем слишком много проблем, и не замечать их невозможно».

Адам Клейтон, бас-гитарист (на снимке — вверху)

«Мы не слишком большого мнения о своих достижениях и не относимся к ним чересчур серьезно. У нас довольно странная дружба, я не до конца разобрался в ней, но это настоящая дружба».

Ларри Маллен, барабанщик (на снимке — внизу)

«Ирландская группа «Ю-2» образовалась в Дублине в 1978 году».
Справка из рок-энциклопедии

Об ирландской группе «Ю-2» сейчас много говорят и много пишут, материал этот составлен из публикаций в зарубежных изданиях.

Название ансамбля звучит по-английски «Ю ту» и, как считают музыканты, имеет значение «И ты тоже». Так мы и назовем нашу подборку цитат.

«И ТЫ ТОЖЕ»

«Его воспоминания о событиях выглядят примерно так: в 30—40 милях севернее Сан-Сальвадора минометы начали обстреливать холмы. Мины выгрызали воронки в земле... Бежать!

Это была первая мысль. Ее догнала вторая: куда? Земля дрожит от взрывов. Крестьяне смотрели на туриста из Ирландии и улыбались: не бойся, не попадут — перелет за перелетом.

Позже, в безопасном месте, он говорил друзьям: «Наверное, они сочли меня за труса. Эти люди прожили всю жизнь в таких условиях, и тот минометный обстрел был для них обычным делом. Но как же это страшно...» Он не мог передать свои чувства словами и поэтому написал песню.

Когда Боно поет «Расстрел голубого неба», в его голосе по-прежнему слышна боль. Песня бьет по нервам — это крик совести. И все же «Дерево Джошуа», последняя пластинка ирландской группы «Ю-2», не документальное свидетельство событий, происходящих сейчас в Сальвадоре. Боно и его товарищи видят в них проявление более глобальных проблем.

Музыканты обладают врожденным чутьем на социальную несправедливость: несостоятельность моральных принципов окружающего их общества они чувствуют как свою собственную боль. Песни группы в равной степени обращены к прошлому и настоящему; они помнят и о будущем. «Ю-2» рассказывают о поисках добра и правды, о совести и надругательстве над нею, именно эти песни принесли им успех: музыканты считают, что рок по-прежнему обладает огромным общественным и нравственным потенциалом. Пожалуй «Ю-2» — одна из немногих рок-групп, выполняющих роль своеобразного индикатора болезней нашего общества, но при этом концерты ее создают атмосферу жизнеутверждения — это рок живой и чистый, каким и положено быть настоящему року. В песнях группы можно уловить тени древних кельтских сказаний и очарование шотландских народных песен, самоуверенность ранних панков и глубину лирики, присущую авангардному року.

Шестой, и лучший, альбом «Ю-2», «Дерево Джошуа», появился в продаже в марте нынешнего года. В апреле он уже занимал первые места как в английских хит-парадах («Мелоди мейкер», «Нью мюзикл экспресс»), так и в американских («Роллинг стоун» и, самый престижный, «Биллборд»). Первая песня пластинки, «С тобой или без тебя», возглавляет списки популярности в системе американского радиовещания [1]. Название альбома можно понимать двояко: во-первых, так называется порода гигантских кактусов, растущих в пустынях северной Калифорнии,— в пользу этого объяснения говорит оформление конверта пластинки. Во-вторых, «Джошуа три» («три» — дерево) — это небольшой городок все в той же северной Калифорнии, где развеян прах известного рок-музыканта 70-х годов Грэма Паркера».

Американский журнал «Тайм»

«Как и пластинку 1984 года «Незабываемый пожар», «Дерево Джошуа» продюсировали Брайан Эно и Дэниел Лэноиз, но в успехе этой последней работы вряд ли кто-нибудь «повинен», кроме самих «Ю-2», хотя не следует умалять и роли продюсеров. Бо́льшая эмоциональная контрастность этой пластинки, нашедшая отражение не только в текстах, но и в музыке, пожалуй, заслуга Эно: именно его умелая редактура очистила музыку от некоторого налета сентиментальности. «Иногда Брайан слишком категоричен в своих концепциях,— говорят музыканты,— но он поразительно чувствует природу ирландской народной музыки и ловко соединяет ее с роком. Он умеет создавать в музыке четкий баланс между интеллектуализмом и простотой, граничащей порой с резкостью». Эно показал себя опытным продюсером: редкий случай, когда чистота звучания пластинки достигнута не за счет тщательной студийной обработки каждой инструментальной партии, записываемой, как правило, отдельно (хотя такие композиции в альбоме тоже есть), а путем использования прямой записи: этот прием позволил сохранить живую связь инструментов. Более того, на это был сделан акцент, и такая подлинность достигает цели — для слушателя текст и музыка сливаются воедино, он ощущает искренность музыкантов».

Английский еженедельник «Нью мюзикл экспресс»

«Потрясающая по эмоциональному воздействию работа»,— говорит о «Дереве Джошуа» Энди Денемарк, директор компании Эн-би-си и организатор американских гастролей «Ю-2». Несомненно, он не забывает при этом и о финансовой стороне дела, но необычность ситуации заключается в том, что «Дерево Джошуа» редкий пример того, как социально-политическая песня может иметь и коммерческий успех. И в данном случае такого рода успех никоим образом не оскорбляет сути самой пластинки.

«Молодежь воспринимает концерты «Ю-2» как величайшее сценическое достижение рок-музыки последних лет,— говорит менеджер группы Пол Макгиннесс.— Потому что и зрители, и испол-

нители прекрасно знают, что все, о чем поется на сцене,— правда, какой бы горькой она ни была».

«Тайм»

«Расстрел голубого неба» — это протест против действий администрации Рейгана в Центральной Америке, в частности, в Сальвадоре и Никарагуа. Строчка о «руке Америки», этот мрачный каламбур (фразу можно перевести и как «армия Америки», поскольку слово «arm» имеет два основных значения: «рука» и «армия».— *Ред.*), выглядит особенно зловещим, если припомнить недавний «ирангейт» [2].

«Я люблю Америку и одновременно ненавижу ее,— говорит Боно.— Я целый год жил в Никарагуа и Сальвадоре и обнаружил там другую Америку: увы это не Америка Джона Апдайка и Вуди Аллена [3]. Я своими глазами увидел, как внешняя политика США убивает детей, примириться с этим невозможно».

«Матери пропавших без вести», песня, которой заканчивается пластинка, рассказывает о тысячах молодых людей, ежегодно «исчезающих» в государствах Центральной и Латинской Америки, где правят диктаторские режимы. Все прекрасно знают, что этих людей зверски истязают, потом убивают, но тем не менее они считаются «без вести пропавшими». Лицемерная гнусность, которой пропиталась эта исполненная благородной скорби фраза, появившаяся в годы сражений за справедливость, за независимость, ранит душу каждого порядочного человека. «Это песня о том, что еще существуют фашистские режимы, образцом для которых служит нацистская Германия»,— говорит Ларри Маллен.

Песня «Шахтерский городок» переносит слушателя на родину музыкантов, в Ирландию: здесь рассказывается о том, как в 1984 году, во время крупнейшей забастовки горняков, нашлись предатели... И «каменные сердца превратили труд людей в кошмар — рабочий день начался, и конца ему нет...» «Рок-н-ролл одержим в последнее время проблемами, которые волнуют мальчиков и девочек, уединяющихся на заднем сиденье папиного автомобиля,— поясняет Боно,— но, как нам кажется, тот же самый рок-н-ролл может говорить о чем-то гораздо более важном».

«Нью мюзикл экспресс»

«Либо ты живешь среди настоящих, живых людей, либо в выдуманном мире, третьего не дано,— говорит Боно.— В рок-музыке появились свои мифы и легенды, я не против, но эти сказки мне не по душе. Для меня рок-музыка — это средство пробуждения от спячки... Я очень люблю рок и считаю, что самыми лучшими «будильниками» были музыканты вроде Вуди Гатри [4]. Они работали для людей, а не для каких-то эльфов».

Американский журнал «Роллинг стоун»

«Молодежь ломится на их концерты,— говорит Том Хауз, агент по распространению билетов в штате Нью-Джерси.— Количество мест ограничено, и мы вынуждены вешать объявление: «Все билеты проданы». Но они не уходят, стоят ночами под дождем. Сотни, даже тысячи молодых парней и девушек. Я невольно вспоминаю середину 60-х, когда в Америку приехали «Битлз», помните? Сегодня это повторяется с «Ю-2».

«Тайм»

«Чего я боюсь больше всего? Не оправдать надежд: я убедился, что люди нам верят».

Боно, 27 лет

«Мои сверстники обожают машины, я ничем не отличаюсь от них, но никогда не сяду за руль шикарного «мерседеса»: в Ирландии стыдно щеголять достатком, да и вообще, некрасиво выставлять себя».

Ларри Маллен, 26 лет

«Не люблю, когда врут».

Эдж, 26 лет

«Мне часто говорят: ты же христианин, поэтому делай то, а не это. Я с уважением отношусь к вере, но если вера требует от меня поступков, противоречащих моим убеждениям, значит, я безбожник».

Адам Клейтон, 27 лет

«Бег на месте» — песня, посвященная безудержному росту наркомании в Ирландии. «Это зелье дешево здесь, и его куда больше, чем хлеба. Недавно умер мой друг... Ему было двадцать пять, и с голодухи он «сел на иглу», всего два года назад, хотя что значит — «всего»?..» Этими словами Боно открывал концерт группы в Дублине.

«Недавно в Лос-Анджелесе я познакомился с одним ветераном войны во Вьетнаме. Хороший парень, только жутко пьет, вся комната заставлена бутылками «Дикой розы Ирландии». Понимаете, опять Ирландия! И я написал новую песню, о самоубийстве. У нее пока нет названия, но начинаться она будет так: «Этот город ангелов (Лос-Анджелес.— *Ред.*) вселил в меня дьявола...» С ней еще надо работать, но я хочу, чтобы люди услышали в песне предостережение: убивает безразличие к другим, к себе, поэтому надо искать путь к взаимопониманию и к пониманию себя самого»,— говорил Боно нашему корреспонденту.

Искать путь к пониманию... А может быть, они его уже нашли — несмотря на то, что вторая песня из их альбома называется «Я еще не нашел того, что ищу»?

Я верю в торжество добра,
Которое смешает все краски палитры
В один человеческий цвет.
Но пока я в пути,
Ты раздвигаешь границы,
Ты разбиваешь оковы,
И ты несешь мой крест —
К моему стыду, все это делаешь ты...
И ты знаешь, что я верю тебе,
Но, прости, я еще не нашел
Того, что ищу. Я ищу.

«Ю-2» ищут путь. Может, кому-то удобно, что вместо него по пути идут другие. Но не пора ли отправиться в дорогу и тебе тоже?»

«Тайм»

Составил и перевел С. КОСТАЛЬСКИЙ

---

[1] *В американском радио-хит-параде, который состоит из 40 пунктов, на разных ступенях присутствуют и все остальные 10 песен этого диска — явление уникальное, подобным успехом на радио пользовалась за всю историю таких парадов только одна пластинка, «Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера» «Битлз».— Здесь и далее прим. составителя.*

[2] *«Ирангейт» — так, по аналогии с уотергейтским делом, пресса назвала громкий политический скандал: США в обход собственных законов продавали оружие Ирану, а на вырученные средства финансировались банды никарагуанских контрреволюционеров.*

[3] *Джон Апдайк — известный американский писатель, многие его произведения переведены на русский язык. Вуди Аллен — актер, писатель, режиссер, музыкант. Его произведения, окрашенные мрачноватым юмором, тем не менее полны веры в человека.*

[4] *Американский исполнитель народных баллад, один из прародителей «социального рока». «Ровесник» писал о нем в № 7 за 1964 год.*

«ОДОБРЕНИЕ ЭЛИТЫ? МНЕ ЭТО НИ К ЧЕМУ»

Майкл КИММЕЛЬМЭН, американский журналист

Филип Гласс сидит в студии и слушает, как рок-группа «Рочес» разучивает его песню. Гласс написал ее на слова Дэвида Бирна из группы «Токинг хэдз» — одного из признанных лидеров рок-поэзии. Группа «Рочес», как выяснилось, не знает нотной грамоты, поэтому помощник Гласса вынужден напевать им отдельные куски. Филип Гласс надеялся, что запишет песню в два счета, но вот теперь вынужден ждать.

Не очень-то типичная ситуация для такого знаменитого человека. В последние десять лет Гласс стал одной из ведущих фигур в музыке, которую принято называть серьезной. Ему заказывают произведения самые престижные оперные театры мира, он написал музыку к нескольким фильмам, вместе со своим ансамблем из семи человек дает концерты в крупнейших залах Парижа, Токио, Торонто. Филадельфийский симфонический оркестр устроил летний фестиваль, в котором по очереди исполнялись произведения Рихарда Вагнера и Филипа Гласса.

А «несерьезные» произведения Филипа Гласса уже в хит-парадах. В частности, альбом «Песни жидких дней», в записи которого принимали участие звезды рок-музыки Лори Андерсон, Сюзанн Вега, Пол Саймон...

Противники Гласса — из числа музыкальных критиков и собратьев-композиторов — расценили этот альбом как подтверждение того, в чем они всегда его обвиняли: в упрощенчестве и подлаживании к «молодежной моде». И вообще, говорят некоторые из них, по-настоящему серьезный композитор не может быть таким популярным.

— Если то, что они пишут,— возражает Гласс,— называется серьезной музыкой, то мне она не нравится. Я согласен быть несерьезным, если мои оперы слушают люди. Но разве опера «Эйнштейн на берегу» (в 1976 году она с триумфом прошла в нью-йоркском «Метрополитен-опера».— Авт.) рок-опера? Иногда мне говорят: «Это нетерпимо, ты так популярен, ты работаешь на публику!» Интересно, а на кого они работают?

Филип Гласс родился в Балтиморе, в Чикагском университете занимался математикой и философией, учился в Джульярдской музыкальной школе и в Париже у знаменитой Нади Буланже (у нее в свое время учились такие известные композиторы, как Арон Копленд, Вирджил Томсон). «Надя Буланже считала, что нас, американцев, вообще неправильно учат. И в 27 лет я был вынужден переучиваться заново, занимался по восемь часов в день вместе с другими ее учениками. А я был старше их лет на десять-пятнадцать».

Он подрабатывал на студиях, записывая музыку к фильмам, и однажды встретил знаменитого индийского музыканта Рави Шанкара. Рави Шанкар оказал огромное влияние на популярную музыку шестидесятых годов, в частности, на музыку «Битлз». Но если «Битлз» привлекали прежде всего музыкальные формы и звучание экзотических инструментов, то Гласс заинтересовался ритмическим своеобразием индийской музыки.

Он работал с Шанкаром, учился, начал сочинять свои произведения, в которых остро чувствовалось влияние индийской и африканской музыки. В основе его композиций лежали простые, повторяющиеся темы — этот стиль получил название минимализма.

Поначалу у Гласса было мало последователей и еще меньше поклонников. Чтобы заработать на жизнь, он был таксистом и гостиничным клерком, крановщиком и водопроводчиком. Даже после триумфа оперы «Эйнштейн на берегу», когда слава Гласса стала расти, он продолжал водить такси. Однажды, рассказывает Гласс, в машину села дама, возвращавшаяся с представления его оперы: «Она увидела на табличке мое имя и сказала: молодой человек, вас зовут так же, как одного очень известного композитора!»

Жизнь Гласса можно разделить на два периода: до и после «Эйнштейна». «До» он был известен только в Европе, где у него нашлись последователи среди рок-музыкантов — Дэвид Боуи, «Крафтверк», «Кинг Кримсон», творчество их, в свою очередь, оказало влияние и на Гласса. В США же ему покровительствовали лишь художники, они помогли ансамблю Гласса организовать первые выступления в художественных галереях Нью-Йорка.

После успеха «Эйнштейна» Гласс начал получать заказы. Нидерландская опера заказала ему «Сатьяграху» — произведение о молодых годах Махатмы Ганди, оперу «Эхнатон» он написал по заказу Штутгартского оперного театра. Ему заказывают музыку к фильмам, театральным постановкам, балетам (в частности, «Нью-Йорк сити бэллей» под руководством знаменитого Джерома Робинса — фрагмент из постановки «Пьесы Гласса» вы видите на снимке.— Ред.).

Стиль его начал меняться: на фундаменте своих повторяющихся ритмов Гласс возвел весьма изящное здание, его гармонии стали сложнее и разнообразнее. И вообще простота его музыки весьма обманчива — многие музыканты признавались, что исполнять произведения Гласса могут только высокие профессионалы. Сейчас Гласс начисто отвергает ярлык минималиста. Как, впрочем, и все остальные ярлыки, в том числе и восторженные заявления о том, что он «навел мосты между серьезной и популярной музыкой»: «Я никогда не принимал этого раздела. Что же касается одобрения элиты — мне это ни к чему».

Перевел с английского Л. ЗАХАРОВ

«КРАФТВЕРК» — МУЗЫКА КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭРЫ?

Десса ФОКС,
английская журналистка

«Электрическое кафе» — пятая пластинка группы «Крафтверк» со времен диска «Автобан», вышедшего в 1974 году. Новая работа вновь акцентирует внимание на «индустриальных шумах» нашего времени: эдакая смесь романтических иллюзий с радиопомехами. Так мог бы звучать Вагнер в аэропорту: на фоне гула двигателей, голоса диктора, объявляющего номера рейсов. Музыку «Крафтверк» кто-то назвал ритм-энд-блюзом атомной эры. Может, лучше — компьютерной?

Пятнадцать лет назад четыре выпускника дюссельдорфской консерватории начали практиковать вечерние автопробеги по скоростной автостраде, автобану. «Мы искали своего бога,— сказал Флориан Шнейдер,— если вы понимаете, что я имею в виду». Догадавшись, что корреспондент безнадежно глуп, он пояснил: «Раньше люди думали, что бог слышит все. Сегодня бог — это магнитофон, но умеете ли вы слушать все то, что слышит он?»

Высунув пластикового «бога» в окно автомобиля, господа Ральф Хуттер, Флориан Шнейдер, Карл Бартош и Вольфганг Флур записывали звуки, к которым наши уши либо привыкли и потому тщательно отфильтровывают, либо никогда не воспринимали: шумы автострады, сигналы клаксонов, шипение сжатого воздуха. И еще — человеческое дыхание, усиленное фонендоскопом; настройка радиоприемника; щелчки реле на телефонных станциях. В своей студии «Клинг кланг» они пытались воспроизводить эти звуки с помощью современных музыкальных (и не только музыкальных) электронных инструментов. Так родилась пластинка «Автобан». Мне кажется, что эта пластинка демонстрирует нам, как бы прореагировал на наше урбанистическое пекло попавший в него средневековый мастеровой, на его неподготовленный слух давит грохот промышленных предприятий, гул грузовиков, лавина звуков, среди которых мы рождаемся, живем и умираем, но которых мы уже научились не замечать. Музыканты-изобретатели сумели превратить хаос в порядок: эти звуки организованы в эффектные мелодии.

Потом они записали «Радиоактивность» (1975 год), «Трансевропейский экспресс» (1977 год), «Человек-робот» (1979 год), «Компьютерный мир» (1981 год) и специальную пластинку «Тур де Франс» по заказу организаторов знаменитой велогонки. И после каждой пластинки в рок-музыке появлялось множество новшеств: новые способы использования электронных ударных, новые способы микширования, новые приемы подачи материала. Электро- и синтез-поп восьмидесятых практически целиком на совести «Крафтверк»: любая синтезаторная вставка в мелодиях нынешнего десятилетия несет в себе гены «Автобана». Да, «Крафтверк» популяризировали компьютеры («Компьютеры — наши коллеги. Мы играем на них, но и они воздействуют на нас»). Но, самое главное, они создали музыку — зеркало, в котором отражается электронный взрыв нашего времени.

— Господин Хуттер, я слушала вашу новую пластинку, и у меня создалось впечатление, что первая сторона тщательно сконструирована, строго спланирована, а вторая сделана как бы спонтанно, на одном дыхании. Это действительно так?

— Мы ничего заранее не планируем, все наши работы — результат вдохновения, если это слово уместно при монтаже магнитофонных лент. Правда, иногда, когда чувствуем, что начинает преобладать мелодическая составляющая, мы сознательно вносим дисгармонию. Мы работаем со специфическими звуками, широко используем видеотехнику, и у нас целый штат помощников... Мы не переоцениваем свое творчество, но оно охватывает довольно широкий спектр областей, в которых рок-музыканты, как правило, не работают. Хорошо это или плохо? На мой взгляд, такая постановка вопроса неверна. Мы работаем с компьютерами, вводим в них данные, но это тоже искусство, только искусство новое — умение составить программу для ЭВМ. К тому же развитие науки, техники преподносит новые сюрпризы, новые эффекты, которые мы используем в своей музыке,— это непрерывный процесс. Каждая наша новая пластинка — логическое продолжение предыдущей.

— Все это очень интересно, но — не знаю, права ли я,— мне кажется, слушатели хотят вернуться к акустической гитаре, к неэлектронному звучанию.

— Вы говорите о психологии слушателя, о его отношении к работе музыкантов — вполне естественно, что, не услышав в новом желаемого, необыкновенно интересного, захватывающего, слушатель начинает тосковать по старым мелодиям, которые когда-то приводили его в восторг. Это сродни снам об ушедшей молодости, о друзьях детства. Тоска по прошлому свидетельствует о дискомфорте в настоящем, и вся штука в том, с каким багажом вы путешествуете по жизни. Чем он солиднее, я имею в виду духовный, интеллектуальный багаж, тем проще че-

ловеку приспособиться к действительности. Если говорить о музыке, то мне, например, кажется, что сейчас электронная музыка дает больше возможностей для творчества, мы же стараемся использовать эти возможности или изобрести новые. Раньше любая рок-группа была суммой индивидуальностей, из которых она состояла,— я опускаю вопрос, хорошо это или плохо, наверное, хорошо. Мы же подаем себя, так сказать, монолитом; мы ликвидируем культ индивидуальности, обезличивая авторство композиций. По-моему, неплохо, когда люди приходят слушать музыку, а не исполнителя, в конце концов, главное — музыка, а музыкант лишь посредник между ней и слушателем. Но об этом я уже говорил в «Автобане».

— И как будут выглядеть ваши концерты в будущем? Будете ли вы опять использовать манекены? [1]

— Мы решили вернуться к манекенам — публика их полюбила, да и мы соскучились друг по другу (смеется). Это не пустая забава. Это символ. Пусть не очень оригинальный и остроумный, но символ. Мы много говорим об обезличивании, но не всегда обезличивание имеет негативный характер. Вы можете со мной не согласиться, но творческое обезличивание, я бы сказал, творческое инкогнито может стать разумной альтернативой индивидуализму, а индивидуализм, согласитесь, тоже проблема из проблем.

В нашей новой программе мы стремимся показать уже привычные всем микрокомпьютеры в несколько необычной роли. Увидев эти приборчики на концерте, люди удивляются, тогда как в своем офисе они уже не обращают на них никакого внимания. На концерте в Дюссельдорфе мы раздавали карманные компьютеры зрителям. Кто хотел, мог поиграть со светом, изменить тембр синтезаторов, самостоятельно перестроить ритм-машину. Некоторые были просто в восторге от этих игрушек, а другие побаивались их и отказывались брать в руки. Все как в жизни, отношение предугадать трудно. Но новые сценические эффекты — не самоцель, а лишь способы достижения конкретной цели.

— А какой? Как-то вы сказали, что хотите показать людям образ жизни в роботизированном, компьютеризированном мире. Это как бы сладостное пребывание индивидуума в анатомическом кресле (автомобильное сиденье, принимающее форму тела водителя.— Пер.), а вокруг суетится техника, все делающая за человека. Но подобное состояние ведет к обрыву межчеловеческих связей — они больше не потребуются, и к утверждению индивидуализма, который, как я поняла, вам совсем не по душе.

— В действительности все наоборот. Мне кажется, что все достижения техники будут как раз способствовать общению людей, только общение перейдет на качественно иной уровень, да и его способы изменятся. Люди станут более коммуникабельными, возрастет их социальная ценность — и ответственность. Ведь посмотрите: та же электронная игра, при условии, что она не военная, способна невероятно объединить людей. Доведя вашу мысль до конца, можно предположить, что и мы, музыканты «Крафтверка», должны бы работать индивидуально — наши инструменты дают такую возможность, тем более что музыканты типа «человек-оркестр» существуют уже давно: Рик Уэйкман, Жан-Мишель Жарр, Клаус Шульц. Однако мы выбрали и предпочитаем работу вместе, сообща.

— Может быть, Хаксли [2] был прав, утверждая, что человеком движет не инстинкт самосохранения или продолжения рода, а всего лишь жажда потреблять, которая в конце концов приведет человечество вначале к общему оглуплению, а потом и к вымиранию?

— Потому-то я и считаю, что необходимо, так сказать, контрсозидание, развитие активного творческого начала у каждого. Мы, как видите, уже работаем в этой области, потому и наши компьютеры в руках зрителей. Люди должны пробовать себя в искусстве — где, как не в искусстве, раскрывается творческое начало? Любой человек должен иметь возможность воплотить свой замысел во что-то реальное. Человек учится по-новому работать с информацией при помощи компьютера, но компьютер — лишь средство. А конечный продукт — будь то музыка или гвоздь — результат сотрудничества человека и машины. Нового сотрудничества, нового творчества — к этому мы и готовим публику на наших концертах.

Перевел с английского К. ПОЛИНИН

---

[1] *В конце 70-х годов «Крафтверк», желая подчеркнуть свою связь с компьютерами, ставили на сцене несколько дополнительных синтезаторов, за которыми располагались манекены, фигурами и лицами напоминавшие музыкантов. В первой своей пластинке музыканты провозгласили: «Это музыка, которую могли бы писать роботы, но пока они этого делать не умеют. Такую музыку пишем мы, посредники между роботами и людьми, «роботоиды». Движения музыкантов на сцене напоминали движения роботов; отсюда, кстати, и пошли «роботоподобные» движения в современных танцах. См. снимок.— Прим. ред.*

[2] *Олдос Хаксли (1894—1963) — английский писатель. Фрагменты его сатирической «антиутопии» «Прекрасный новый мир» (1932), в которой Хаксли говорит о будущем, где нет места искусству и естественным человеческим чувствам, а господствуют автоматизация, стандарт и бездуховность, были в 30-е годы переведены на русский язык и опубликованы в журнале «Интернациональная литература».*

«ARCHIES» («Арчиз»). Студийные музыканты, вошедшие в состав этой группы, были наняты в 1969 году для записи звукового сопровождения к популярному американскому мультипликационному телесериалу «Арчиз». К сожалению, имена участников группы остались неизвестны, кроме ее лидера и основного вокалиста Рона Дэнти.

Когда музыка к мультфильму была записана, Дон Киршнер, известный американский продюсер, рискнул предложить отдельные композиции для трансляции по радио. И, к удивлению многих, песенка «Милый, милый!» приобрела невероятную популярность. На волне интереса к своей музыке «Арчиз» в том же, 1969 году, выпустил первую долгоиграющую пластинку «Арчиз» — это все!». Успех превзошел все ожидания, и группа записала новый диск «Джингл-джэнгл»: одноименная композиция повторила судьбу «Милого» и на некоторое время даже вытолкнула из хит-парадов песню «Битлз» «Сюда придет солнце».

В 1970 году «Арчиз» выпустили пластинку «Солнечное сияние», многие песни с которой также стали бестселлерами (например, «Кого же ты любишь?»). Затем вышел сборник лучших вещей «Арчиз», но дальнейшие попытки группы создать нечто равноценное первым песням оказались безуспешными, и в начале 1971 года музыканты, когда-то случайно встретившиеся в студии, расстались. Потом какое-то время Рон Дэнти был продюсером Бэрри Мэнилоу.

«ARGENT» («Арджент»). После распада английской группы «Зомбиз», ее клавишник Род Арджент организовал в 1969 году новую группу, которая использовала в качестве названия его фамилию («Арджент» также «серебро»). Кроме Арджента, в нее вошли: Джим Родфорд — бас-гитара; Роберт Хенрит — ударные, и Расс Боллард — гитара, вокал.

Для начала музыканты «утяжелили» старую композицию «Зомбиз» — «Время года», и она незамедлительно возглавила английский хит-парад. Воодушевленные успехом, авторы большинства песен Арджент и Боллард стали готовить материал для первой большой пластинки, которая появилась в конце 1970 года. По сравнению с «Зомбиз» музыка «Арджент» была более приближена к хард-року, а в текстах сквозил откровенный мистицизм. В 1971 году вышла пластинка «Сомкнутые руки», в 1972 году — «Итак, все вместе!». Песня «Не опускай головы» с этой пластинки повторила успех «Времени года». Спустя год появилась пластинка «В глубине»: это уже был чистый хард-рок. В 1974 году группу покинул Боллард, и Арджент пригласил сразу двух музыкантов, Джона Грималди, гитара, и Джона Верити, гитара, вокал. Было выпущено еще пять дисков: «Nexus» и «Бис!» (1974 год), «Цирк» и «Контрапункт» (1975 год), а уже после распада группы, в 1976 году, вышел сборник лучших вещей «Антология».

И Боллард, и Арджент начали сольную деятельность, в которой больше преуспел первый: его пластинки «Победитель» 1976 года и «В пламени» 1981 года получили высокую оценку как критиков, так и слушателей. Кроме того, он продюсировал студийную работу Роджера Долтри и Лео Сэйера (хотя музыка Сэйера разочаровала поклонников Болларда). Род Арджент записал в 1978 году сольную пластинку «Дом на колесах», в которой ему помогал Фил Коллинз.

Джон Верити, Джим Родфорд и Роберт Хенрит в 1976 году организовали группу «Феникс», но в том же году Родфорд присоединился к «Кинкс».

JOAN ARMATRADING. Джоан Арматрейдинг родилась в 1950 году в Вест-Индии. Затем ее родители перебрались в Англию. Профессиональная карьера певицы началась в 1972 году, а ее муж, Пэм Нестор, стал соавтором большинства песен. Первая пластинка, «Что бы нам ни предстояло», вышла в 1974 году, в 1975-м — «Снова в ночь». После этого она выпускала по пластинке в год. Ее последняя работа — альбом прошлого, 1986 года «От судьбы не уйдешь» — записана при содействии группы «Фэапорт конвеншн» и «Литтл фит», а также гитариста Альберта Ли. Джоан Арматрейдинг умело переплела в своих песнях фолк, реггей, соул и рок-н-ролл.

«ARMAGEDDON» («Армагеддон»). Эту группу организовали в 1975 году в Великобритании Мартин Паф, гитара, и Луис Сеннамо, бас, игравшие в начале 70-х годов в группе «Стимхаммер». Позже к ним присоединился Кейт Рельф, бывший вокалист «Ярдбёрдз». Они долго подбирали барабанщика и сумели найти его лишь по другую сторону океана — это был Бобби Колдуэлл, до этого сотрудничавший с группами Эдгара и Джони Уинтеров, а также с лидером американского рока «Капитан «Все назад!».

Знаменитый американский продюсер Джерри Мосс прослушал запись репетиции, и музыканты получили контракт: их единственная пластинка, «Армагеддон», вышла в конце 1975 года. Мощный ритм-энд-блюз этой группы всколыхнул всю Америку, посыпались предложения на контракты, пять песен с пластинки непрерывно звучали по радио. «Армагеддон» готовили вторую пластинку, но в мае 1976 года Кейт Рельф решил самостоятельно сменить проводку в своей квартире: удар электрического тока оказался смертельным...

Его сестра собрала полусырой материал готовившейся пластинки и вместе с другом Кейта, барабанщиком тех же «Ярдбёрдз» Джимом Маккарти, организовала группу «Иллюзия», которая по сей день пользуется музыкальными идеями Кейта Рельфа.

ART-ROCK (арт-рок). Наиболее точно этот термин можно было бы перевести как «интеллектуальный рок», но дать ему точную характеристику, пожалуй, невозможно. Обычно подразумевается такая форма рок-музыки, для которой характерны приемы, присущие классической европейской музыке: многоплановые композиции, приближающиеся по форме к традиционной сюите, сложный ритмический рисунок, использование пауз как составных элементов музыки. Но прежде всего арт-рок — это способ музыкального мышления композитора, который должен хорошо разбираться не только в классике, но и в джазе, и в музыкальном фольклоре.

Арт-рок появился в конце 60-х годов в Великобритании и стал логическим продолжением психоделии, стиля, который к тому времени зашел в тупик и который характеризовался сложными, порой вычурными инструментальными партиями, а в текстах тяготел к символизму. Признание арт-рок получил в 70-е годы, когда произошло его слияние с хард-роком: этот симбиоз потребовал от исполнителей виртуозной техники и некоторого отхода от канонов поп-музыки 50-х и 60-х годов. Блюз и ритм-энд-блюз, лежавшие в основе практически всех композиций тех лет, стали уходить на второй план, уступая место музыкальным структурам европейской школы. В США этот стиль получил не столь широкое распространение, и даже сам термин видоизменился, превратившись в «прогрессивный рок».

Самой первой работой в этом жанре стал альбом английской группы «Кинг Кримзон» «При дворе короля Кримзона», выпущенный в 1969 году: здесь прослеживается влияние таких асов психоделии, как «Прокол харум» и «Муди блюз». «Кинг Кримзон» развили идеи музыкального символизма, к которому тяготели эти группы, широко использовавшие церковные оратории и симфонические вставки, и гитарный стиль Джими Хендрикса. В начале 70-х годов в Европе появилась целая когорта групп, посвятивших себя арт-року: «Эмерсон, Лейк и Палмер», «Фокус», «Генератор Ван дер Граафа», в США успешно работала группа «Канзас».

В то же время, например, английская группа «Рокси мюзик», которую по чисто внешним признакам тоже можно было отнести к группам арт-рока, в действительности занимается тем, что... пародирует его. Эту группу и подобные ей стали называть «арт-рокерами», хотя их стиль зарубежные музыковеды не выделяют как самостоятельный.

Постепенно европейский арт-рок распался на несколько ответвлений, среди которых прежде всего необходимо выделить эксцентричный стиль, получивший название «джаз-рок-психоделия»,— основателем этого сугубо европейского течения был американец Фрэнк Заппа. Для джаз-рок-психоделии характерна бо́льшая камерность и акцент на джазе. Первой группой, игравшей в таком стиле, стала кентерберийская «Софт мэшин». Впоследствии, под влиянием стиля «техно-флэш», появилась «флэш-джаз-психоделия», вариант арт-рока, для которого характерно джазовое построение композиций, но решаются они тем не менее средствами рока, иногда — хард-рока. В этом стиле играли группы «Гонг», «Хэфилд энд зэ Норт» и «Караван».

На первой странице обложки: этот снимок фотокорреспондент А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО сделал в Вене во время демонстрации молодых коммунистов Австрии, выступающих за единство действий молодежи в борьбе за мир, разоружение и права молодых.

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ
Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова
Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон: 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 30.08.87. Подписано в печ. 08.09.87. А13107. Формат $84 \times 108^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 1 500 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 193.
Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Осенью прошлого года в СССР проходили гастроли известного английского ансамбля Ю-Би-40 («Ровесник» писал о творческом пути этой группы в № 6 за 1982 год). Недавно фирма грамзаписи «Мелодия» выпустила пластинку, записанную музыкантами в Москве. Мы представляем вам одну из песен этого диска. Она посвящена борьбе народа Южной Африки против апартеида и называется «Споем свою песню».

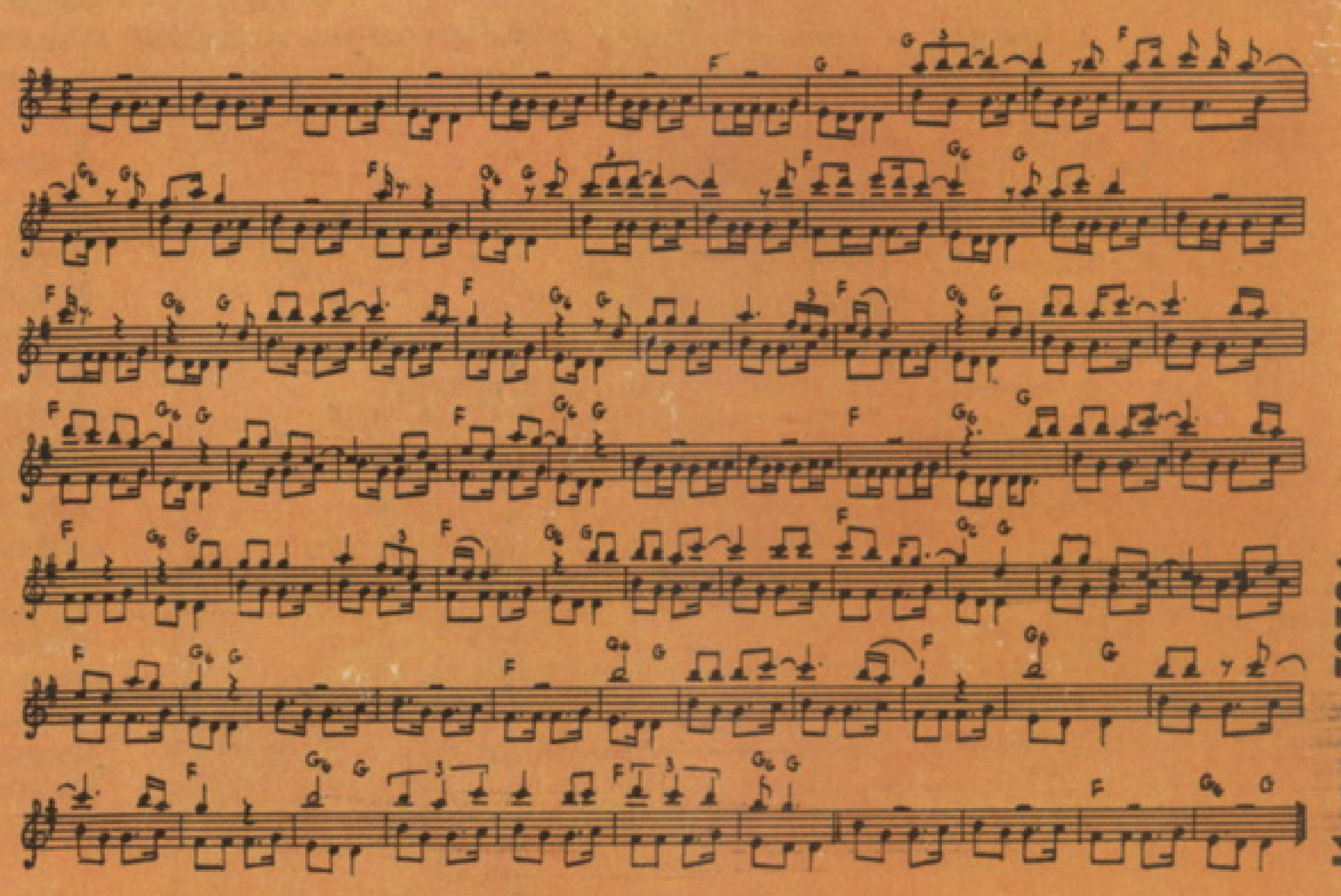
«Потоки слез, которые мы уже пролили, смыли прочь все наши страхи. Мы больше не будем слушать ваши приказы, мы вырвем власть из ваших рук. Мы раздуем пламя нашего гнева и нашей боли, и вы почувствуете стыд за то, что творили все эти годы. Мы построим новое общество и будем петь свою собственную песню».

Аранжировка А. Суетина.

1. The great flood of tears that we've cried
For our brothers and sisters who died
Over four hundred years
Has washed away our fears
And strengthened our pride
Now we turn back the tide
2. We will no longer hear your command
We will seize the control from your hands
We will fan the flame
Of our anger and pain
And you'll feel the shame
For what you do in god's name
Припев:
We will fight for the right to be free
We will build our own society
And we will sing, we will sing
We will sing our own song

3. When the ancient drum rhymths ring
The voice of our forefathers sing
Forward Africa run
Our day of freedom has come
For me and for you
Amandla awethu
Припев.

Индекс 70781
Цена 35 коп.